

ЭЛИНА
КУРБАТОВА

ЛЕСТНИЦА
АНГЕЛА

Элина Курбатова

Лестница Ангела

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69191455
Лестница Ангела: Эксмо; М.; 2023

Аннотация

Согласно Ветхому Завету мир стоит до тех пор, пока в нем существует 36 праведников. Если один из них умирает, а замены нет, наступают смутные времена: эпидемии, катаклизмы и войны.

Талантливый кардиохирург-трансплантолог Сергей – главный кандидат на место нового праведника. Из жизни в жизнь он спасал людей. Теперь его карма близка к нулю, и осталась последняя душа, которой он должен помочь. У Сергея есть только одна слабость – его любимая жена, которая вот уже три года лежит в коме.

Лиза – обиженная на весь мир молодая женщина – случайно убивает человека и погибает от пули полицейского. Однако уже через мгновение она воплощается в теле жены хирурга, чтобы повлиять на его выбор.

Сможет ли Лиза выполнить задание и получить место в новом мире после уничтожения старого, обрекая ненавистную ей землю и самого доктора?

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	8
Глава 3	10
Глава 4	18
Глава 5	23
Глава 6	37
Глава 7	39
Глава 8	44
Глава 9	45
Глава 10	64
Глава 11	71
Глава 12	76
Глава 13	95
Глава 14	99
Глава 15	120
Глава 16	126
Конец ознакомительного фрагмента.	129

Элина Курбатова

Лестница Ангела

*Книга посвящается МК —
моему первому читателю, главному критику и
моей музе*

© Курбатова Элина, текст, 2023

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2023

Москва 2023

Глава 1

За пять часов до конца...

«Господи, если ты еще слышишь меня, если ты действительно существуешь, дай мне знак...»

В больничном парке былолюдно.

Пациенты, закутанные в теплые куртки поверх спортивных костюмов, расселись по влажным лавочкам или ковыляли меж лысеющих осенних деревьев.

Бледные люди ловили утренние лучики солнца... кто знает, сколько этих лучиков осталось каждому из них.

«Поддай же мне знак... черт тебя подери».

То, что предстояло сделать Сергею всего через час, требовало хоть немного тишины.

Девочка в яркой куртке катила перед собой коляску с размазанной куклой, когда увидела его. С удивлением она посмотрела на осунувшегося, небритого доктора, сидевшего на исписанной граффити скамье. Он был совсем не похож на того веселого человека, который всегда при встрече подмигивал ей и дарил конфету.

Он смотрел на нее остановившимся тяжелым взглядом и не видел ни ее саму, ни ее яркую курточку.

Мать потащила девочку подальше от него, в сторону корпуса раковых больных. Там лежала сухенькая старушка, на-

вещать которую им оставалось каких-нибудь пару месяцев.

Пару месяцев... вот бы и ему иметь столько в запасе. У него же остался всего один час... один час, и чья-то жизнь оборвется.

Сергей оттянул пальцем душный воротник рубашки и глубоко вдохнул влажный воздух. В ноздри ударило перегаром и прогорклым потом.

Сергей нехотя обернулся – на противоположном краю лавочки примостился пьяный, давно не мывшийся старик с запекшейся кровью на скуле.

Старик тут же заговорил и явно не собирался умолкнуть. Он нес какую-то ахинею о покое и Дьяволе. Сергей слушал вполуха. Наконец раздражение подкатило к горлу:

– Бога ради, уйди, – Сергей достал из кармана бурый кошелек с потертыми боками и не глядя сунул бродяге мятую купюру. – На, возьми и напейся. – Забыться – лучшее, что можно сделать в этом мире, – тихо добавил он.

Сергей встал, чтобы уйти, но грубая, вся в корках рука схватила его за запястье. И в этот момент слова нищего впервые прорвали плотную завесу мыслей. Сергей услышал, что этот грязный человек говорил ему, и мурашки пробежали по спине.

– Что? – доктор сам не узнал собственного голоса.

Теперь уже нищий начал рыться в своих засаленных карманах. Он что-то извлек оттуда и вложил в руку Сергея.

Ладонь врача ощутила знакомые очертания.

Старик молча встал и заковылял прочь.

На полпути он обернулся и кинул последнюю фразу.

Сергей узнал каждое слово.

Старик произнес ее с той же интонацией и придыханием, с какими говорила она... та, что лежала сейчас в палате в соседнем корпусе больницы.

Та, чью судьбу он должен был решить через час.

Что происходит?

Кто этот нищий?

Сергей раскрыл ладонь. Дыхание перехватило – он уже знал, что увидит.

Он поднял голову и посмотрел туда, куда, шаркая, ушел старик. Того уже нигде не было.

Сергей сжал кулак, словно пытался ухватиться за то, что оказалось в его руке. Словно боялся упасть, потеряться и никогда не найтись. Он судорожно оглянулся. Казалось, мир кружится. Мелькали белые больничные халаты, детская яркая курточка. Старика не было. Нигде. Он исчез.

Набрав в легкие побольше воздуха, Сергей побежал в сторону старого здания, за угол которого, предположительно, свернул нищий.

Там тоже никого не было.

Ни справа, ни слева.

Нигде.

Глава 2

За четыре часа сорок пять минут до конца...

Старый нищий завернул за угол больницы. Солнце слепило ему глаза.

Должно быть, в последний раз...

Пусть даже он видит этот мир чужими глазами, ощущает кожей чужих рук, но ведь и это уже не впервой. Так могло бы продолжаться сотни лет. Но выбор сделан.

Старик спиной ощутил их присутствие. Только он: никто живой вокруг даже не догадывался о присутствии этих двоих.

Они приближались сзади.

Еще шаг... еще хоть один. Какое же это невероятное блаженство – чувствовать себя в теле, каким бы оно ни было. Просто ощущать; чувствовать тепло солнечного блика на щеке; источать запах.

Еще один шаг...

Ноги больше не слушались. Они стали совсем тяжелыми, будто в каждую налили по ведру раскаленного свинца.

Старик попытался сделать еще один шаг – невозможно. Асфальт вздыбился перед его стоптанными дырявыми ботинками, не давая ступне даже сдвинуться.

Вот они – двое в черных костюмах, так похожих на одежду

католических священников, только без белого воротничка.
Они уже приблизились вплотную.

Холодные руки взяли его под дряхлые локти.

Старик опустил сморщенные веки.

Вот и все.

Темнота.

Глава 3

Прямо сейчас

Растрепанные волосы, порванная простенькая ночная рубашка: молодая женщина стоит на коленях в снегу. Позади полыхает ее бедная деревянная изба. Слезы жгут саднящую кожу на щеке – след липкой фашисткой ладони все еще горит на лице.

Женщина кричит. Слов не слышно. Видно лишь, как синими дугами вздуваются жилы на ее бледной шее. Пятно бордового цвета расплзается по снегу, почти касаясь ее голых коленей.

Остервенелое выражение лица и истошный крик – все это плывет в плавящемся от пожара зимнем воздухе.

Пятеро мужчин в фашистской форме наставляют на нее черные отливающие оранжевыми отблесками огня ствола винтовок.

Позади стоят люди, родные люди, жители этой деревни, бок о бок с которыми она выросла. Кто-то отворачивается. Кто-то плачет. Кто-то уже плетется прочь. Кто-то пялится на нее, как на диковинку. Все они мираж... всего лишь мираж.

По изображению плывут помехи – эта запись затерта почти до дыр, да и изменение файла не прошло бесследно.

На соседних экранах разыгрываются другие сюжеты. Некоторые тоже повреждены и то и дело прерываются помехами. На ближайшем экране идет еще одна история: двое инквизиторов тащат за руки молодую женщину. Она кричит, сопротивляется.

Женщина одета в дорогие ткани; ее волосы, судя по всему, были хорошо уложены под чепцом, но теперь светлые волнистые пряди выбились и липнут к вспотевшему лбу.

Женщина тянет руки к кому-то в дальнем углу комнаты.

Там, отвернувшись, стоит мужчина. Он крестится, а потом подносит к морщинистым, искусанным губам громоздкое распятие, что висит у него на шее.

На экране слева средних лет хирург оперирует безнадежно раненного солдата. Ветер воет, сотрясая стены военно-полевого госпиталя. Мигает слабый свет.

Мужская рука тянется к пульту управления. Одно нажатие крупного, жилистого пальца – и гаснет первый экран.
«Файл удален».

Второе нажатие – и вот уже нет средневековой женщины и ее престарелого мужа.

Третье – исчез перепачканный кровью халат хирурга.

Еще нажатие, еще одно – и наконец все экраны молчат. Черные глазницы мониторов отражают лишь красивое, скуластое лицо Сизифа.

«Файл удален».

Черный костюм сидит на нем отлично. Воротничок немного душит и натирает кожу. Сизиф всегда усмехается, когда чувствует это. Столько времени прошло, а ему все кажется, будто что-то может натирать его давно не существующую кожу.

Закончив удалять файлы, Сизиф откидывается на спинку стула. Он оглядывает свой кабинет, который так и не стал ему домом. На столе стоит чашка с недопитым кофе. Сизиф берет ее и выливает содержимое в цветочный горшок, стоящий тут же, возле кипы бумаг.

«Считай, это мой прощальный подарок», – говорит он растению, которое странно выделялось в стерильно-белой обстановке кабинета.

– Не будешь скучать по ним? – скрипучий, хорошо знакомый голос выводит Сизифа из размышлений.

Иуда. И как всегда не вовремя.

Иуда проходит в кабинет и плюхается на белый диван. Мягкие подушки послушно принимают его тело, выпустив прохладный воздух. Точно так же делали диванные подушки в доме бабушки Сизифа, когда он, еще мальчишкой, прыгал по ним.

Или нет... может, это была совсем не та бабушка, из какой-то совсем другой жизни?

– Не буду. А стучать тебя мама не учила? – отвечает Сизиф, не оборачиваясь.

Он что-то ищет среди бумаг на столе.

– Один из наших утверждал, будто помнит каждое лицо, – продолжает Иуда, довольно потирая руки. – Как родное, так сказать.

Сизиф усмехается.

– Ничего, это быстро проходит.

Маленькие серые глаза Иуды обшаривают кабинет и останавливаются на десятках благодарностей в пыльных рамках.

– Сколько же у тебя этих благодарственных грамот? – прищипнув, говорит он. – Заберешь с собой?

– Насколько я знаю, подтирать задницу мне там не понадобится. Так что можешь оставить себе.

Сизиф медлит, бросает взгляд на грамоты, а затем продолжает. Тихо. Больше для себя:

– Там, куда меня переводят, ничего не понадобится...

Он встает и ловит взглядом свое отражение в одном из черных, слепых экранов. Проводит рукой по подбородку. Пальцы колет двухдневная щетина... удивительно все-таки, как хорошо его подсознание помнит и воссоздает все эти мелочи.

– Даже это, – тихо говорит он, разглядывая свое лицо.

Диван издает скрип – и подушки будто бы всасывают воздух, как всплывший на поверхность утопающий. Иуда встает, подходит к благодарностям. Стирает пыль рукой. Потом прикрывает тощим пальцем имя Сизифа. Безымянная благодарность явно радует его больше. Может, кто подумает, что

они его?

– Уже решил, куда отправишься? – спрашивает Иуда, задевая плечом одну из рамок на стене.

Рамка повисает криво – Сизиф чувствует такое даже спиной.

Ничего. Это уже не его кабинет.

К черту всю симметрию этого мира.

– Естественно. Наверх, – Сизиф расстегивает узкий воротничок и делает глубокий вдох. – Что бы там ни было.

Иуда хмыкает себе под нос.

– Да что там может быть? Скукота одна. Ни страсти, ни грязи. Вот я, когда наберу все очки, – он стучит по экрану странных, похожих на электронные, часов на руке, там высвечивается: «20 %», Иуда мечтательно потягивается, – найду какое-нибудь потрясное местечко на Земле, выберу жизнь подольше, так сказать. Может, стану кинозвездой или королем. У них же еще есть короли, да?

Слушая Иуду вполуха, Сизиф достает связку ключей – настолько непохожих с виду, будто бы они от всех замков сразу: такие разные по цвету, форме, размеру – должно быть, даже из разных веков. Он открывает верхний ящик своего рабочего стола, сосредоточенно перебирает бумаги, которые, как и все в его кабинете, лежат идеальными, ровными стопками. Сизиф достает со дна ящика объемную замусоленную папку.

– Поделится бы, – говорит Иуда, пристально глядя на Сизифа, – в чем был твой секрет?

Сизиф пролистывает папку, затем сгребает в кучу оставшиеся в ящике бумаги. И через мгновение все эти аккуратные, исписанные таким ровным почерком листы оказываются скомканы.

Сизиф подходит к камину и бросает бумажный ком на догорающие угли. Огонек, почти умерший на обглоданных поленьях, начинает теплиться чуть ярче. Набрав побольше воздуха в несуществующие легкие, Сизиф раздувает огонь. Черно-серые невесомые хлопья золы вместе с волной жара обдают лицо... да, он еще помнит это горячее ощущение на коже, когда дуешь на угли. А вот запах... запах костра, привкус золы на языке – все это уже почти стерлось из памяти. Поэтому он не ощущает ничего, кроме жара.

– Мои секреты тебе не нужны. Им давно пора умереть, – бросив прощальный взгляд на тлеющие листы бумаги, столь заботливо и убористо исписанные его рукой, он добавляет совсем тихо, – и не только им.

Иуда подходит к освободившемуся столу Сизифа и садится на неудобный жесткий стул. На лице отражается недовольство. Он ерзает, прикидывая, чем заменит эту деревяшку, принимает важную позу и, усмехнувшись, поглаживает столешницу и пульт от экранов.

Он толкает в сторону горшок с засыхающим растением. Возможно, запах кофе, исходящий от земли, привлек его внимание, а он и не заметил.

– И это не возьмешь?

– Оставь себе. Зеленый гармонирует с цветом твоей кожи.
Иуда ухмыляется.

– Очень смешно, так сказать. Смотри не напортачь напоследок.

Сизиф криво улыбается: уж он-то не напортачит. Он столько ждал этого дня. Дня Великого перехода. И цена была немаленькой. Совсем не маленькой.

Сизиф кидает связку ключей Иуде. Та пролетает мимо неуклюжих пальцев нового владельца, с грохотом распластавшись на столе. Будь здесь все настоящее, на столешнице остались бы вмятины, но их там нет – Сизиф уверен. В конце концов, это больше не его стол, а уж у Иуды не бывает ни царапин, ни вмятин. Эти жалкие напоминания о настоящем мире: царапины, пыль, сколы, почему-то упорно лезут именно из Сизифа – человека, который многое бы отдал, чтобы прошлое замолкло навсегда. Он, собственно, и отдал.

Сизиф отворачивается от Иуды и идет к двери. Через несколько минут все закончится. Новый мир откроется перед ним. Мир, в котором все будет иначе.

Сизиф берет за дверную ручку, когда звонит телефон.

– Кто... э-э-э-э, кто возьмет, так сказать? – невнятно спрашивает Иуда.

Сизиф оборачивается: сменщик вопросительно смотрит на него. Телефон продолжает надрываться.

– Считай, меня тут уже нет, – бросает Сизиф, усмехнувшись.

Иуда отвечает на звонок с гордым и самодовольным видом:

– Кабинет Иуды. Слушаю, так сказать, – повисает пауза.

Сизиф уже почти закрывает за собой дверь. Оставить все позади – каждый день своей жизни и всего, что было после...

Иуда меняется в лице:

– Погоди, Сизиф... это тебя. К Начальству. Срочно.

Глава 4

Прямо сейчас

Сизиф заходит в кабинет: яркий свет, круглый стол и трое людей в таких же черных, давящих на горло костюмах, как у него. Что-то во всей этой картине заставляет Сизифа напрячься.

Спустя мгновение он замечает четвертого. Тот выходит из тени в углу и встает рядом с Начальством. Вместо стакана в руках у него глиняный горшочек с водой.

Сизиф догадывается о древности этой души.

Четвертый одет во все белое.

Он всегда в белом: Сизиф видит его уже не в первый раз.

– Чем я заслужил такую честь? Награды вроде бы мне уже ни к чему, – бодро говорит Сизиф, демонстративно остановившись у двери.

Он не проходит вглубь кабинета и не садится за стол. Всем своим видом он старается показать, что его место уже не здесь.

Мужчина с безликим, хмурым лицом, одетый в черное, произносит с притворной вежливостью и участием:

– Мы бы попросили вас задержаться на некоторое время.

Лицо Сизифа едва заметно меняется. Челюсть поджимается, скулы как будто начинают выпирать немного сильнее.

Неприятная мысль режет сознание.

Он бросает взгляд на тыльную сторону запястья – маленький экран электронного браслета, которые носят все «работники».

– Время, как мы знаем, понятие неопределенное. Особенно здесь, – говорит Сизиф как можно спокойнее.

В ответ на его взгляд чувствительный экран начинает светиться. «Очки: 100 %».

Челюсть слегка расслабляется. Но чутье подсказывает: надо быть собранным и держать ухо востро.

– Не волнуйтесь вы за свои баллы: с ними все в порядке, как и с вашим переходом.

Разумеется, Начальник заметил этот быстрый взгляд, брошенный на часы. Сизифа злит, что они так запросто читают его мысли. Будто без спроса заходят в твою детскую комнату, роются в вещах и читают постыдные строки твоего дневника. Дети ведь должны быть ангелочками, без предосудительных мыслей и желаний. А он, кажется, никогда таким не был. Ни в одном из своих «детств».

Начальник в черном продолжает:

– Речь идет о вашей протее. О том, что она натворила.

Сизиф отступает назад. Его рука тянется к дверной ручке. Этот номер у них не пройдет. Он уходит.

Сегодня.

Сейчас.

– Э, нет, ребята, это уже не мое дело, – так он с ними еще

никогда не разговаривал, но только так он может показать, что больше им не принадлежит, и отлично знает это. – Вам не удастся убедить меня задержаться тут ни на минуту.

Начальник в черном молча кидает Сизифу папку. Прекрасная реакция дает о себе знать – Сизиф принимает подачу.

Он колеблется.

Внутреннее чутье говорит ему: не открывай.

Слышишь!

Не открывай!

– Это ничего не изменит, – предупреждает Сизиф, открывая папку.

Но затем выражение его красивого скуластого лица меняется:

– Вот черт!

– Я бы попросил не использовать таких слов, – осекает его Начальник в черном.

Сизиф пропускает замечание мимо ушей:

– Шансов на спасение нет?

Начальник в черном выдерживает паузу. Едва заметная улыбка трогает уголки его губ.

Сизиф и сам понимает, что заглотил наживку.

– Прежде чем вынести окончательное решение, – нарочито растягивая слова, говорит Начальник, – мы должны понять, как все было.

Пауза.

Черные глаза Начальника сверлят Сизифа.

– Но вы вправе отказаться – добавляет он. – Если очень спешите.

«Если очень спешите».

Если очень спешите...

Сизиф горько усмехается.

Мгновение он колеблется.

Да кого он обманывает?

Он, конечно, очень спешит. Он спешит уже так давно, что потерял счет времени. Что изменят несколько лишних минут?

Сизиф прикусывает губу, кидает быстрый взгляд на дверь. Там, за ней, то, ради чего он существовал все это время. О чем даже не имеет представления, но твердо знает, что именно оно ему необходимо. Взгляд снова соскальзывает на браслет.

«Очки: 100 %».

Не будь кретином, Сизиф.

Открой эту чертову дверь. Выйди и закрой ее за собой так крепко, как только сможешь.

Не будь кретином.

– Что именно вы хотите знать? – поморщившись, тихо спрашивает он и делает шаг ближе к круглому столу.

– Расскажите все с самого начала, – произносит Начальник в белом.

За все это время Начальник в белом заговорил с ним впер-

вые.

Сизиф отодвигает стул и садится. Он кладет папку на стол, отталкивает ее и делает глубокий вдох, подготовившись к рассказу.

– Тогда я начну с ее смерти.

Глава 5

За три месяца и 21 день до конца

Громко и назойливо звонил телефон.

Липкие лапы сна не хотели выпускать Лизу, но звук был слишком настойчив.

На мгновение он оборвался. Появилась надежда остаться в тяжелом, придавившем к кровати забытии, но тут телефон снова подал голос.

Ненавижу...

Лиза – женщина двадцати девяти лет – поморщилась. Следы потекшей туши и пятна полустертого тонального крема делали ее лицо еще непригляднее.

Голова болела. Неподъемная и будто чужая.

Наконец Лиза приоткрыла опухшие веки. Солнечные лучи больно резанули глаза. Она застонала и потянулась к старому телефонному аппарату. Убогая комнатуха будто давила на нее со всех сторон.

Бардак, который не разобрать и за год, отваливающаяся, вся в подтеках штукатурка в углах тут же напомнили ей, где она проснулась на этот раз.

Дома.

Рука Лизы нащупала трубку, по дороге опрокинув что-то с тумбочки.

– Надеюсь, это что-то важное, вашу мать.

Повисла пауза. Еще секунда – и Лиза заснула бы прямо с зажатой между плечом и щекой трубкой.

– Э-э-э... добрый день. Вам звонят из клиники «Медицина Про». Ваш контакт был в списке нашего пациента...

– Ошиблись номером, мать вашу, – перебила Лиза, собираясь повесить трубку.

– Подождите... Вадим Терентьев – это ваш отец?

Лиза замерла на мгновение.

Вспоминания неприятно шевельнулись в голове.

Вадим Терентьев...

Есть имена и лица, при воспоминании о которых внутренности сжимаются в ком. Даже если годами убеждать себя, что они стерты из памяти к чертям собачьим.

Вадим, мать его, Терентьев.

– Он умер сегодня рано утром, – с явным облегчением, что ему удалось договорить, закончил голос. – Примите наши соболезнования.

Голос... Лизе казалось, он принадлежит какому-нибудь прыщавому аспиранту, подрабатывающему на ресепшене. Может, он впервые в жизни сообщает о смерти родственника.

Да, малыш, первый опыт лучше было бы получить с кем-то другим. С тем, кто реагирует так, как тебя готовили.

– А... Вы ветеринар? – проговорила Лиза, вытаскивая пальцем скатавшуюся тушь из уголка глаза.

– Что? Простите, я не понимаю...

– Ну козлов ведь ветеринары лечат, да? Удачи тебе, парень.

Лиза положила трубку.

Мгновение она смотрела на коричневые потеки в углу комнаты.

Было бы хорошо снова заснуть... Но сон ушел.

Внутри зашевелилась пустота.

Лиза очень хотела заполнить ее злостью, мерзкими, саднящими воспоминаниями, которые никогда никуда не девались. Эти воспоминания были ее собственной душевной анестезией. Но почему-то сейчас они исчезли. В самый неподходящий момент.

Пустота разрасталась.

«Ты упустила свой шанс» – прозвучал голос в голове.

Да пошел ты!

Пошел ты...

Лиза встала, сунула ноги в стоптанные тапки, не глядя сгребла с тумбочки сигареты и зажигалку и ушла в ванную.

Она закрылась, будто бы в ее крохотной квартирке был кто-то, кроме нее.

Уже через час Лиза стояла возле знакомой до мелочей двери. Столько раз она сидела под ней ночами, изучая каждую трещинку, в ожидании, когда он придет... или когда откроет.

Он давал ей все, что нужно: забытье и капельку любви. Той любви, которую она сама могла принять и переварить, ведь на большее ее бы и не хватило.

Наконец Штырь открыл.

Тощий парень в наколках, чуть младше ее, но куда более уверенный в себе. Он никогда не терял уверенности, что бы ни происходило. Лизе это казалось чем-то запредельным.

На Штыре были только растянутые трусы. Он остановился и, почесывая впалый живот, окинул Лизу быстрым незаинтересованным взглядом.

– Чего тебе?

Лиза шагнула внутрь, чтобы он не закрыл дверь при ее следующей фразе:

– Мне нужна доза. Сейчас.

– А расплатиться хватит, сладкая?

Лиза заглянула в квартиру вверх костлявого плеча с синим драконом. Дракон смотрелся жалко; он тоже выглядел костлявым.

На обшарпанном диване в забытии валялись двое парней.

Лиза положила ладонь на руку Штыря и посмотрела ему в глаза. Когда-то это хорошо срабатывало.

– Мне надо, понимаешь? Не хочу ни о чем думать сегодня.

Штырь скинул ее руку:

– Только не надо грузить меня своим дерьмом.

На слове «дерьмо» из спальни Штыря вышла полуголая девица. Нетвердой походкой она направилась к ванной, не

обращая внимания ни на парней, ни на Лизу.

«Под кайфом», – Лиза хорошо знала этот мутный взгляд. Девушка заняла ее место. Это она теперь забывалась в тощих объятиях, погруженная в облако сладких цветных образов.

Лиза с тоской проводила девушку взглядом.

– Я расплачусь, как она.

Штырь усмехнулся.

Да чтоб тебя... есть черта, за которой уже никто не помнит, что у тебя когда-то было достоинство. Кажется, Лиза пересекла эту черту... и не один раз.

– Это мне больше не интересно, малыш, – несколько мгновений он смотрел на нее: жалкую, дерганую, мусолящую край старой куртки. – Но ладно...

На мгновение Штырь исчез, а затем вернулся и протянул Лизе таблетку.

Не то, на что она рассчитывала, но хоть что-то.

Лиза потянулась к таблетке, но Штырь отвел руку. Она снова потянулась, и он снова убрал руку. Его это забавляло. Лизу тошнило от самой себя, но она готова была перетерпеть тошноту.

– Дозу нужно заработать, сладкая. Сегодня, через три часа.

Лиза снова потянулась за таблеткой. Как дрессированная собачонка. Она знала, что Штырь ждет от нее именно этого. Но сегодня ей так нужна была доза.

– Ладно. В последний раз!

Губы Штыря расплылись в кривой ухмылке, и он положил, наконец, таблетку на ладонь Лизы. Затем потрепал ее по щеке, как ребенка, заслужившего стишком конфету.

– Послушная девочка.

Позже Лиза полулежала на полу, прислонившись спиной к стене. Стена была жесткая и холодная, но Лиза этого не чувствовала.

Ей было хорошо.

Ей было хорошо уже хотя бы оттого, что было никак.

Она ловила цвет, запах и вкус своих ощущений.

Она ловила пустоту внутри.

На лбу выступил пот. В глазах было пусто. Мутные глаза... Как она и хотела. На лице застыла плоская, безжизненная улыбка.

Мимо прошел Штырь... ее взгляд не поспевал за ним.

Будто издалека, через пелену, она видела, как он, расплывчатый и яркий, взял из ящика пистолет и засунул за пояс. В груди стало тепло.

Почему-то подумалось о козлах...

В памяти всплыл голос прыщавого парнишки с ресепшена «Медицины Про».

«Вадим Терентьев – это ваш отец?»

Потом пришли образы коз и коров, которых она видела на живодерне отчима.

Тепло на мгновение ушло. Пусто и холодно.

Но таблетка была хорошей.

Тепло вернулось.

– Штырь... ты меня любишь?

Расплывающийся Штырь наклонился к Лизе. Лиза не знала, сколько он молчал. Может, мгновение, может, целую вечность.

Она с надеждой смотрела на него.

Его лицо расплылось в ухмылке и тощая, но необыкновенно тяжелая рука небрежно похлопала ее по плечу:

– Не дури, сладкая.

Теплота скукожилась.

Ничего. Она вернется.

Таблетка хорошая.

Штырь вышел из комнаты.

Лиза медленно перевела взгляд на яркий экран телевизора. Красивая, прилизанная дикторша с бесстрастным видом тараторила без остановки. Лиза с трудом разобрала слова «эпидемия», «Китай», «смерти».

Все это далеко.

Все это не имеет к ней сейчас никакого отношения.

Дикторша исчезла, и появились плачущие люди и больничные палаты в небольшой китайской провинции.

Таблетка хорошая.

Теплота сама по себе уже шевелилась в груди.

Лиза закрыла глаза.

Ночь подкралась незаметно.

Трое: Штырь, Лиза и какой-то парень, которого она смутно узнавала, но не могла вспомнить, вломились в аптеку.

Было темно и пахло медикаментами. Маленькая стерильная аптека с дорогими лекарствами. Штырь объяснил, что сюда привозят заказы для тяжелобольных. Каждый такой заказ можно удачно слить на черном рынке.

Лиза не задавала вопросов. И слушала вполуха.

В машине она спросила:

– Почему сюда?

Думала, они опять поедут в какую-нибудь лавочку с телевизорами.

«А что такое, сладкая? Стало жалко богатеев, которые промывают свои задницы в частных клиниках?»

Таблетка все еще владела ее разумом, путая мысли и рождая странные образы.

«Вадим Терентьев – это ваш отец?» – спрашивал прыщавый подросток из живодерни отчима.

– Нет, – ответила Лиза.

Дальше она почти не слушала, а Штырь все болтал.

– Представь толстосумов, уверенных, что купили себе жизнь. Завтра их будет ждать большой сюрприз: их выигранный билетик отправился к кому-то другому. И это сделал я. Не долбаный Господь Бог, а я.

Желтые лучи фонариков прорезали стерильную темноту аптеки.

Трое грабителей рыскали по полкам в поисках наживы. Штырь искал самые дорогие лекарства, а в задачу Лизы и плохо знакомого парнишки входило кидать в мусорные мешки все, что можно было бы «сплавить» друзьям.

Лиза кидала без разбора. Медленно. Вдыхая запахи. Темнота плыла перед глазами чуть медленнее, чемдвигающиеся люди.

– Малой, – прошипел Штырь, – помоги вскрыть ящики. Резкий звук. Лиза запоздало вздрогнула – это Малой уронил какую-то склянку.

Штырь снова зашипел:

– Урод! Разбудишь сторожа – сам разбираться будешь. Обшаривая полки, Лиза подошла к двери в подсобку. И увидела человека.

Старый, заспанный мужчина. В руках пистолет.

Лиза смотрела на него безучастно, перебирая в голове варианты, кто бы это мог быть.

Видя, что Лиза никак не реагирует, мужчина прижал палец к губам, показывая ей, чтобы она не кричала.

Вариант нашелся.

Он выскользнул из подсобки и резким движением врубил яркий, белый свет.

Только теперь Лиза ошарашенно оглянулась на Штыря.

Сторож проорал:

– Бросай, что награл, скот поганый! Милиция уже едет!
И направил пистолет на Штыря.

Малой со своим пакетом был вне зоны видимости сторожа. Поскользнувшись на рассыпанных таблетках, он стремглав выбежал из аптеки. И мешок с собой прихватил.

Сторож не успел среагировать.

– Гнида! – выругался Штырь вслед подельнику.

Затем обернулся на застывшую, как восковая кукла, Лизу. Что-то крикнул. Слова дошли до нее не сразу:

– Не дергайся, сладкая, у этого огрызка нет оружия. Нельзя им. Это пугач.

Старик, должно быть, носил очки. Сейчас, без них, он щурился. И выглядел жалко.

– Сейчас ты пожалеешь, старпер, что не набухался сегодня вусмерть.

Штырь медленно, с наглым видом двинулся на сторожа.

Тот чуть опустил пистолет и выстрелил...

Он выстрелил Штырю прямо в живот.

Штырь, покачнувшись, повалился на спину, скрючился на полу, поджав ноги, и схватился за ребра.

Он тихо стонал – дыхание перехватило.

«Это все картинка в телевизоре... сейчас появится вылизанная женщина-диктор», – говорила себе Лиза.

Сейчас...

Но женщина не появлялась.

Перед глазами Лизы все плыло, а внутри вяло шевелилась

теплота.

Штырь по-прежнему корчился на полу.

При падении его пистолет – тот, который он засунул себе за пояс, вывалился и откатился к ногам Лизы.

– А... Твою мать... сука! Убью! Сука... мама... – выл

Штырь.

Лиза сделала неуклюжее движение к нему.

– Стой где стоишь, девочка, – не глядя на нее, приказал сторож. – Это травматическое оружие. Убить не убьет, но изуродовать может.

Потом он шагнул к Штырю:

– Дернешься – выстрелю в глаз.

Слабый красно-синий блик отразился в витрине – послышалась полицейская сирена.

– Стреляй в него, Лизка! – прохрипел Штырь, брызгая слюной. Где же прилизанная дикторша? Где же она? Этот сюжет затянулся. – Не убежим – я сяду на хренову тучу лет... мы оба сядем...

Лиза с трудом слышала сирену – ее заглушал какой-то ритмичный стук. Чуть позже Лиза поняла – это стучала кровь в висках. Лицо Штыря, лицо сторожа – все расплывалось перед глазами.

Вот бы переключить канал...

– Стреляй! Стреляй, чтоб тебя! – орал Штырь. – Я люблю тебя, Лиза.

Я люблю тебя...

Теплота едва заметно шевельнулась в груди.

Я тоже люблю тебя...

Дрожащая рука Лизы подняла пистолет.

Она направила ствол на сторожа, испуганно глядя на Штыря.

– Не делай этого, девочка, – тихо сказал старик, выставив левую руку вперед.

– Штырь... – Лиза не узнала свой сдавленный, такой детский голос.

– Стреляй!

Охранник совсем расплылся.

В ушах гремело: «Стреляй, стреляй, стреляй!»

Охранник шагнул к Лизе.

– Не подходи! – крикнула она.

Это какой-то плохой фильм. Затянувшийся и очень-очень плохой.

Вот бы нажать на кнопку «Выкл».

– Послушай, дочка...

Лиза неожиданно изменилась в лице. Выражение стало жестким и твердым.

От слова «дочка» внутренности сжались в ком.

Размытый охранник приобрел знакомые очертания. Коротко стриженные темные волосы, яркие серые глаза.

«...ваш отец?..»

В ушах зазвенело еще сильнее.

– Пошел ты, папаша... – прошипела Лиза.

Сирены приближались.

Яркие сине-красные отблески падали то на лицо Штыря, то на лицо Лизы.

– Стреляй, дура! – орал Штырь.

Охранник снова сделал шаг к Лизе, протянув к ней руку.

Стук в висках.

Залитые потом слезящиеся глаза...

Черты коротко стриженного человека с серыми глазами стали отчетливее.

«Дочка»...

Лиза зажмурилась...

Выстрел.

Охранник упал на холодный кафельный пол.

Тошнота подступила к горлу.

Ей хотелось отключиться, но сознание все еще балансировало где-то между «здесь» и «там».

– Штырь, – прошептала она, освещенная красным светом.

Красный сменился синим.

Штырь вскочил и, продолжая держаться на живот, выско-
чил через заднюю дверь.

Мгновение... еще одно...

Люди в полицейской форме ворвались в аптеку.

Лиза стояла посреди зала с пистолетом в руках.

Возле нее, в крови, лежал старый сторож.

Красное, бугристое лицо полицейского исказилось: он что-то кричал Лизе.

Она ничего не слышала.

По губам можно было бы понять: «Бросай пистолет!»

Лиза отмахнулась от полицейского. Пистолет по-прежнему в руке.

Снова выстрел.

Темнота...

Глава 6

Два месяца и 20 дней до конца

Кругом был лес. Ноги цеплялись за трухлявые, влажные коряги. Ветки хлестали по лицу. В оглушающей тишине слышался стон старых сосновых стволов, покачивавшихся на ветру. Запах сырости, мха и хвойной смолы.

Хруст веток под ногами Лизы... но не только под ее.

Она спиной чувствовала, как кто-то приближается сзади.

Лиза бежала по лесу от того, кто шел за ней след в след.

Бежала со всех ног, глотая ртом промозглый воздух.

И снова зацепилась за что-то влажное и толстое. Лиза упала – пальцы ощутили мягкий, скользкий мох.

Она обернулась и попыталась отползти подальше.

Идущий за ней приближался.

Внутри все сжалось. Крохотные напряженные глотки воздуха казались оглушающе громкими.

Хруст веток под ногами.

Одна сломалась...

Еще одна...

И еще...

Теперь Лиза смогла разглядеть темную фигуру и лицо...

Но оно тут же сменилось другим, а потом третьим. Лица мелькали, как на экране. Некоторые казались смутно знако-

мыми, и от этого ее дыхание учащалось.

Отвернуться. Не смотреть.

Но не смотреть не получалось.

И вот лица стали сливаться. Правый глаз от одного, левый – от другого, то ли рот, то ли кровавое месиво...

Лиза закричала, закрывшись руками. Что-то холодное коснулось ее щеки. Пистолет. Она по-прежнему держала его в правой руке.

Хруст ветки...

Еще одной...

Немедля ни секунды, Лиза выстрелила.

Она кричала и стреляла. Дрожь была такой сильной, что тело почти не чувствовало отдачу от выстрела.

Она стреляла и стреляла, но человек не падал.

Он и не думал умирать.

Хруст ветки...

Еще одной... Снова...

Уже совсем близко.

Пистолет был еще в руках Лизы. Только бы не увидеть в этой мешанине лиц то единственное, которое она знала так хорошо. Знала, но не помнила.

Остается только одно...

Холодное дуло у виска...

Некто сделал еще один шаг.

Глава 7

За три месяца и 15 дней до конца

Сизиф бодро шагал по длинному коридору Промежуточной небесной канцелярии. Он спешил. За ним, едва поспевая, семенила приземистая женщина с бледным лицом. Она бесконечно что-то бубнила, рассказывая о «вопиющем» случае, потрясшем канцелярию впервые за очень долгое время.

Сизиф не слушал.

Мимо, кто с бумагами, кто со свитками, проходили другие служащие. Они перешептывались, поглядывая на большие экраны, висевшие в коридоре. Было очевидно, что все разговоры сейчас об одном. О том же, о чем без конца щебетала бледная, не поспевавшая за Сизифом женщина.

Почти все служащие носили одинаковые черные костюмы. Форма в любую эпоху была способом размыть индивидуальность, снять с себя ответственность. Многие здесь рано или поздно начинали ее любить, даже несмотря на давящий воротничок.

Лишь один служащий в коридоре был одет иначе – Бенедикт: толстяк в средневековой грубой рясе монаха. Лицо, точно вырубленное по эскизам Босха: грубоватое и в рывинах, кривые зубы и обязательно свитки в руках – удивительно, как люди цепляются за то, чего уже давно нет. И за-

чем ему это страшное лицо? Зачем это имя? Сизиф никогда не здоровался с Бенедиктом, потому что тот его раздражал. Бенедикт был его полной противоположностью: держался за все, чем был до смерти.

Монах же, напротив, каждый раз, увидев Сизифа, спотыкался от волнения и заливался краской. Красные рытвины на лице смотрелись еще уродливее, чем бледные.

Вот и сейчас Бенедикт остановился, как-то весь скукожился и неуверенно произнес:

– Сизиф! Доброго здоровьица.

Сизиф прошел мимо, молча.

Монах, помешкав, поплелся прочь. Он не расстроился – привык.

– Кандидат готов? – спросил Сизиф, перебив женщину.

– Мы прокручиваем уже третий цикл чистки, – неохотно ответила та, ее явно гораздо больше волновала совсем другая тема, – но кармических следов слишком много. И еще...

Женщина достала из внутреннего кармана прямоугольный объект, похожий на айпад.

Сизиф усмехнулся – сразу видно, надеется вернуться вниз, поэтому следит за мыслеформами ныне живущих. Он тоже знал про компьютеры и айпады, но лишь по той причине, что они помогали быстрее и легче организовать мысли и воспоминания объектов. Наглядно.

Женщина потыкала пальцами в свой небесный айпад, перелистывая вкладки с графиками, и пожаловалась:

– Не знаю, в чем дело, но я не могу получить доступ к ее прошлым жизням. Блокировано кем-то.

Разговор прервал ролик, вновь запустившийся разом на всех экранах. Служащие замерли, подняв головы.

Спутница Сизифа тоже хотела остановиться, но он продолжал размашисто шагать вперед. И она, нахмурившись, припустила следом.

Краем глаза Сизиф видел, что показывали на всех экранах: симпатичного мужчину средних лет. Затем изображение начинало распадаться на мельчайшие частицы, на атомы.

– Он преступил непреложный закон, – холодно вещал электронный голос.

Сизиф мечтал, что когда-нибудь тот же самый голос скажет ему совсем другое: типичное прощание при переходе наверх, которое редко кому удается услышать. Этого Сизиф ждал больше всего на свете. Но сейчас голос вещал иное, бесконечно повторяя:

«Уничтожен без права восстановления.

Уничтожен без права восстановления.

Уничтожен без права восстановления...»

Семенящая за Сизифом женщина неотрывно смотрела на экраны и утирала глаза краешком рукава.

– Идиот, – констатировал Сизиф, не глядя на распадающееся изображение мужчины. – Третий на моей памяти.

Женщина оживилась. Видимо, все это время она только

и ждала, когда Сизиф заговорит об уничтоженном... как же его звали?

– Второй, – прошептала она, неожиданно прибавив шагу. – В наших закрытых чатах пишут, что Безымянного не тронули. Только сослали.

Сизиф закатил глаза:

– Господи, даже здесь теории заговора. И кто же его прячет? Жидомасоны? Рептилоиды? Меньше надо слушать всякий бред.

Женщина снова нахмурилась и немного ссутулилась.

Наконец они подошли к нужному им боксу. В белой двери было маленькое окошко, как в камерах буйнопомешанных в психушке.

Сизиф помедлил мгновение, чем удивил свою насупленную спутницу, а затем заглянул в окошко. В боксе на стуле, одетая в безразмерную серую робу, сидела Лиза. Руки и ноги крепко зафиксированы, на голове – прибор, похожий на шлем виртуальной реальности.

Лиза дергалась, рычала, царапала ногтями подлокотники.

– Борется, – тихо сказал Сизиф.

– Не понимаю, почему ты ее выбрал, – женщина теперь говорила с заметным холодком, шутка про рептилоидов ей явно не понравилась, – Она плохой кандидат: непослушна, недисциплинирована, озлоблена. К тому же слишком запутанная кармическая история.

Сизиф отодвинулся от окошка в двери и невесело усмех-

нулся.

– Да, все как я люблю. Открывай.

Глава 8

Прямо сейчас

– Осознав, где находится, ваша протеже сразу согласилась сотрудничать? – спрашивает Начальник в черном.

Второй начальник в черном раскладывает перед Сизифом документы из папки: файлы про Лизу и ее фотографии.

Несколько штук.

Первая сделана еще до смерти. На второй Лизу можно узнать разве что по выражению глаз.

И еще одна.

Фотография мужчины, чье лицо он предпочел бы не видеть.

«Ты идиот, Сизиф».

Образ двери, которая находится позади, жжет ему спину.

Сейчас он шел бы по направлению к свободе.

– Ага, как же, – отвечает Сизиф. – Согласись Лиза сразу, она была бы не она.

Глава 9

За три месяца и 15 дней до конца

Сизиф зашел в абсолютно белую комнату.

Стула и шлема здесь уже не было.

И вообще ничего не было.

Яркий белый цвет резал глаза. Проведи здесь час – и перестанешь понимать, где ты и каковы размеры комнаты. Проведи неделю – перестанешь понимать, где верх, где низ, когда день, а когда ночь.

Лиза забилась в дальний угол, все еще одетая в безразмерную серую робу. Она встретила Сизифа звериным взглядом.

«Я уже видел этот взгляд. И не раз», – пронеслось у него в голове.

– Кто ты, на хрен, такой? – с вызовом и старательно скрываемым страхом спросила Лиза. – Главный садист?

Сизиф невесело усмехнулся и приподнял бровь:

– Ох нет, я далеко не главный.

– То есть будут и другие? Козлы похуже тебя?

– Ну же, Лиза, ты можешь отвечать остроумнее. Постарайся.

Лиза соорудила гримасу и показала средний палец. Движение было неуверенным.

Бойтся.

Сизиф подошел ближе. Она очень старалась не моргать и не отводить взгляд, будто пыталась просверлить в его черепе дырку сверлом своей ненависти.

Сизиф снова усмехнулся и сделал три шага назад – теперь у него в руке был стул. Он уселся посреди комнаты, закинув ногу на ногу.

Лиза ошарашенно огляделась вокруг, на мгновение позабыв о своем взгляде-сверле:

– Его здесь не было. Как ты...

Этот старый фокус на самом деле уже порядком надоел Сизифу, но он знал: на Лизу это сейчас произведет нужное впечатление.

Да, стула в комнате не было.

Строго говоря, он и сейчас там не появился.

– У тебя есть идеи относительно того, куда ты попала? – спросил Сизиф, проигнорировав вопрос.

Лиза лишь обожгла его злобным взглядом. Если бы только в ее руке сейчас была дубинка, Сизифу бы не поздоровилось.

– Пошел ты!

Сизиф лишь переменял позу, положив сверху другую ногу.

– Так ты начала отвечать лет с шести, верно?

Сизиф машинально достал из внутреннего кармана электронный планшет.

Нажал какие-то кнопки, – и чистейшие белые стены засветились яркими пятнами. Пятна быстро приобрели очер-

тания и вскоре слились в изображение восьмилетней девочки с такими же карими, как у Лизы, глазами.

– Что за... откуда у вас моя детская фотография?

– Эпизод первый, – объявил Сизиф.

Картинка ожила. Школьный двор возле многоквартирного дома с облезлой детской площадкой. Лиза играла в песочнице, больше похожей на гигантскую пепельницу. Кто-то из мальчишек подбежал и отнял игрушку. Они не знали, что эта игрушка была последней оставшейся от отца вещью. После его ухода мать собрала в кучу все, что ему принадлежало, и сожгла в ванной, чуть не спалив квартиру.

«Его больше нет».

Его и в правду больше не стало. Для Лизы. Или Лизы для него. Тогда она так с этим и не разобралась.

К мальчишке присоединился еще один. Оба возвышались над маленькой Лизой и смеялись: «Что ты нам сделаешь, девчонка?»

Звериный, загнанный взгляд загорелся в карих глазах. Взгляд, который появился за год до этого и не исчезнет до самой смерти Лизы. И даже после... Маленькая Лиза сжалась. Мальчишки заржали еще громче, решив, что она сдалась, но ошиблись. Как зверь, восьмилетняя девочка прыгнула на парня, державшего в руке ее игрушку. Они повалились на землю. Лиза остервенело била его по лицу, потом укусила за ухо. Две большие волосатые руки подхватили ее сзади и оттащили назад. Девочка, не глядя, ударила и того,

кто схватил ее. Это оказался ЗАВУЧ...

Лиза в безразмерной серой робе смотрела на экраны не моргая, забыв, где находится.

Она вздрогнула, когда Сизиф снова подал голос:

– Эпизод номер два.

Восьмилетняя девочка стояла в тесном кабинете. Перед ней был человек в форме и стол, заваленный толстыми картонными папками.

Она сидела опустив голову, но тяжелое, грудное дыхание выдавало злость, а не смирение.

– Сначала одна школа, потом другая, – прокомментировал Сизиф, включая новый эпизод.

Девятилетняя Лиза сидела за партой в новой школе. Мальчишка за спиной передал ей записку. Лиза прочла, схватила с парты толстый учебник и с размаху ударила им парня по лицу. Из веснушчатого носа фонтаном хлынула кровь. Маленькая Лиза сжалась: она уже знала, чем это закончится. Но если бы ситуация повторилась, поступила бы так же.

Она просто не могла иначе. Иногда хотела, но не могла, будто была заводной куклой с прописанным внутри сценарием. Или игрушечным поездом, который может двигаться только по кругу проложенных рельсов.

– Дальше – заведение для трудных подростков, – продолжал Сизиф, – смерть матери и детский дом.

Наконец картинки из детства остановились.

Лиза ошарашенно посмотрела на Сизифа.

– Откуда ты...

– Что там у тебя было травмирующей ситуацией? – он снова проигнорировал ее вопрос. – У каждого она есть. Дай-ка вспомнить.

Он снова принялся жать на экран планшета. На стенах замелькали целые пласты жизни Лизы. Сизиф перелистывал их, словно страницы в книге.

Лиза опять нахмурилась и сжала зубы, как делала всегда, когда злилась. Потом медленно встала на ноги: так она чувствовала себя устойчивее и увереннее во всем этом безумии.

– Да кто ты, на хрен, такой? Гребаный мент?

Сизиф будто бы не слышал. Бывали кандидаты, задававшие вопросы поинтереснее.

– Фантазией ты не отличаешься. Но, может, оно и к лучшему. Ага, нашел, – он перестал листать. – Тот любовник твоей матери-алкоголички.

Картинка на стене вновь задвигалась. Это застало Лизу врасплох. Увидев до боли знакомые стены, крошки под столом, под которым она часто пряталась, и большие драные тапки, она сжалась и снова опустилась на пол.

– Где ты, мерзкая дрянь? – кричал хриплый мужской голос.

Лизе почудилось, что даже сквозь экран ее обдало вонью его тапок.

– Думаю, подробности напоминать не нужно, – Сизиф

остановил картинку в тот момент, когда на экране показалось лицо отчима: крупное, блестящее от пота, с перебитым носом.

Лиза стащила с ноги ботинок и изо всех сил швырнула в экран, где застыло ненавистное лицо.

Изображение пошло помехами.

Лиза повернулась к Сизифу:

– Где я, черт возьми?

– В некотором смысле вопрос адресован верно, – рассеянно откликнулся Сизиф, продолжая тыкать в планшет. – А вот трогательная сценка, глянем ее. Папаша ненадолго забрал тебя к себе, к своей новой жене и сынишке.

– Я не хочу больше это смотреть! Выключите! – начала Лиза, но увидев младенческое личико брата, умолкла.

Двенадцатилетняя Лиза держала на руках полугодовалого младенца. Она несла его в ванную. Она все сделала как велено. Ей так хотелось заслужить похвалу папочки, который объявился через месяц после ее заточения в детдоме, чтобы забрать дочь к себе. «Дать ей шанс», как выразился в машине отец, когда они ехали в дом к его новой женщине. Отец сказал это, не оборачиваясь, просто бросил на нее взгляд в зеркало заднего вида.

Лиза старалась стать частью семьи. Правда, старалась.

Тот малыш, он ведь ей даже нравился. Лиза радовалась, когда его оставляли с ней, доверяя, как взрослой. К тому вечеру она прожила в доме отца уже два месяца. Полюбила

свой уголок в гостиной, где ей выделили спальное место. И очень старалась не ненавидеть тощую женщину, ставшую женой отца.

В тот вечер ребенка снова оставили на Лизу. Она хотела искупать малыша. Вычистила ванную, тщательно смыла хлорку, проверила температуру, опустив, как это делала мачеха, в воду локоть, побросала резиновых уточек и разноцветные круги от пирамидки.

Воды было на самом дне – чтобы только поверхность ванной нагрелась и ребенок не замерз. Лиза хотела порадовать младенца и добавить в воду пены. Пена в бутылке кончилась, но Лиза знала, что в кладовке есть еще одна. Она оставила малыша в ванной, пока набиралась вода и пошла в кладовку.

Это ведь всего минута...

За минуту воды в ванной может прибавиться больше, чем двенадцатилетняя Лиза могла предположить.

Она не слышала, как захлебывался ребенок.

Но услышала, как посыпались на пол продукты из сумки мачехи, которая, едва войдя в квартиру, все поняла и бросилась в ванную.

Следующее, что помнила Лиза, это звонкая, обжигающая пощечина.

«Ты упустила свой шанс», – только и сказал отец, отвозя ее обратно в детский дом. Он сказал это, бросив взгляд в зеркало заднего вида. Не обернувшись.

Лиза знала, что видит отца в последний раз.

В ту же ночь она сожгла в ванной детского дома единственную оставшуюся после него игрушку, из-за которой когда-то подралась с мальчишкой. Ее, конечно, сильно наказали. Но это было неважно.

– Снова детский дом. Теперь уже навсегда. Как и ненависть в твоей душе. Потом были наркотики, грабежи. И вот теперь – убийство. Я знаю о тебе все, – чеканя каждое слово, проговорил Сизиф.

Лиза, не отводя взгляд, смотрела на экраны, показывавшие детский дом.

Ночь. Она лежала на одной из коек в спальне для девочек. И очень тихо, так, чтобы никто не услышал, плакала в подушку. Подушка уже почти душила ее. Зато никто ничего не слышал. Даже она сама.

Сизиф выключил экраны. Они снова стали просто белоснежными стенами.

Придя в себя, Лиза резко обернулась к нему и вскочила на ноги, приняв угрожающую позу:

– Не пудри мне мозг, скотина! Я поняла! Это какой-то долбаный эксперимент в психушке. Я знаю про такие! Имей в виду, выродок, меня есть кому защитить.

Лиза начала оглядываться и громко звать:

– Штырь! Штырь!

– Да неужели? – усмехнулся Сизиф.

Он набрал что-то на планшете. На экране появилась квартира Штыря. Сам Штырь с перебинтованными синюшными

ребрами занимался сексом с рыжей девицей.

– И если уж мы заговорили о психушке, – продолжил Сизиф, – то сегодня ты из нее, скорее, вышла.

Он поставил монотонно двигавшегося Штыря на паузу.

Лиза обернулась на Сизифа. В ее глазах были боль и непонимание. Кажется, она устала гадать, что же все-таки происходит.

– Ты умерла, Лиза.

Она усмехнулась.

Потом еще раз.

И еще.

Смешок перешел в истерический хохот.

– Хорошо, что ты принимаешь это известие с таким оптимизмом, – заметил Сизиф.

Продолжая хохотать, Лиза снова показала ему средний палец.

Сизиф опустил голову к айпаду, чтобы скрыть улыбку. Обычно к этому моменту с большинства кандидатов уже слетала спесь.

Картинка на экранах изменилась: аптека, мертвый сторож в луже крови, раскиданные таблетки на светлом кафеле. Лиза с пистолетом. Она направляет его на полицейского.

Мгновение.

Пуля летит в нее.

Мгновение.

Пуля пробивает ей лоб.

Лиза – та, что на экране, – падает на пол, возле сторожа.

Две красные лужи сливаются в одну.

Бледнеющее, безжизненное лицо Лизы на экране крупным планом.

Та Лиза, что стояла в комнате, одетая в бесформенную серую робу, оказалась прямо перед своим огромным лицом. Она видела, как кровь вытекает из раны во лбу.

Лиза в серой робе вздрогнула.

Сизиф знал – ее наконец-то пробрало.

Он догадывался, что происходит в ее голове.

Вот она вспомнила, как старик-сторож падает на пол, как опускается ее рука, сжимающая слишком тяжелый пистолет...

Как убегает Штырь.

А теперь пуля, летящая в нее. Маленькая точка, приближающаяся и такая неминуемая. Горячая и тяжелая.

Сизиф внимательно следил за Лизой.

Сейчас многое зависело от нее.

Очень многое.

Лиза до боли зажмурилась. Подняла дрожащую руку и дотронулась до лба. Потом поднесла руку к глазам и медленно открыла их – пальцы были в густой, темной крови. Теплой крови.

Неожиданно Лиза издала почти звериный крик. Она бросилась к тому месту в экранах, где, как она помнила, была дверь, через которую сюда зашел ее мучитель. Но дверь ис-

чезла. Остался только экран.

– Выпустите меня! Выпустите!

Лиза принялась колотить в стены – на экране оставались кровавые отпечатки рук.

Сизиф не двигался. Он сидел на своем не весть откуда взявшемся стуле и спокойно ждал, когда закончится эта истерика. Он знал: рано или поздно Лиза устанет биться о стену, силы ее покинут, и она будет готова слушать.

Лиза бросилась к другой стене. И заколотила в нее. Там тоже не было двери. Рванулась к третьей, но замерла и отшатнулась – прямо перед ней оказалось лицо убитого охранника. Начала пятиться назад, пока не уперлась спиной в четвертую стену. Тогда она просто сползла по ней вниз, как тряпичная кукла.

– Я умираю, – тихо прошептала Лиза.

Сизиф поднял бровь.

– Мда, туговато до тебя доходит, – он выдержал паузу. – Говорю же, ты уже умерла.

Он снова оттянул давящий воротничок и отложил планшет.

– Да, и крови никакой нет – это память подсознания.

Дрожащей рукой Лиза снова прикоснулась ко лбу – кровь больше не пачкала пальцы. Ее правда не было. Кровавые следы на стенах тоже исчезли.

Лиза пыталась что-то сказать, но губы не слушались. Да и что тут скажешь? Понять бы, уместить в черепной коробке.

Лизу трясло.

Сизиф это заметил, но никак не отреагировал. Пусть лучше потрясет сейчас.

– Что за чертов шлем на меня надевали? – наконец, хрипло спросила Лиза.

– Обычная практика: проработка прошлой жизни.

– Чего? Зачем?

– Чтобы души осознали упущенные возможности, страхи, свои поступки и их негативные последствия. Только тогда их отправляют дальше. Некоторые делают это добровольно, на других приходится надевать шлем и все такое. Но сути это не меняет.

Лиза собралась с силами и встала. Сизиф отлично понимал, что она все еще борется, и потому не хочет сидеть, вжавшись в угол, как напуганная мышь. Будет держать марку до конца. Он очень не хотел этого, но Лиза есть Лиза.

– Дальше – куда? – спросила она тихим голосом.

– Сядь, – скомандовал Сизиф и указал в угол возле Лизы.

Она послушно обернулась – в углу стоял стул.

Лиза уже ничего не спрашивала и ничему не удивлялась.

Она подошла к стулу и на всякий случай потрогала его, проверив на реальность.

Твердый, прохладный, лакированный... самый обычный.

– Слушай внимательно. Я не люблю повторять, – начал Сизиф, вдохнув.

Он хорошо помнил, как нечто подобное впервые говорили

и ему. Не хотел бы он испытать это еще раз.

– С каждой жизнью человек накапливает то, что мы тут называем очками, баллами... Ты ведь слышала о карме?

Нахмуренная Лиза только ошарашенно хлопала глазами. Она явно ничего не знала ни о какой карме. Сизиф закатил глаза. Разговор продлится дольше, чем он рассчитывал.

– Понятно. В общем, если карма совсем плоха, человеку дают принудительное и жесткое искупление в новой жизни.

Лиза зажала уши, подняв ноги на стул и уткнувшись лбом в колени.

– Штырь, сукин сын, что ж за дрянь ты мне подсунул?

Сизиф проигнорировал выходку Лизы. Он знал: она слушает. Еще как слушает.

– Обычно такие, как ты, исправлению сопротивляются, а потому тебе светят десятки перерождений, которым трудно позавидовать. Ну, знаешь, мучения, болезни, несправедливость.

Лиза не сдавалась, но говорила уже тише и медленнее: боялась пропустить слова Сизифа.

«Все еще пытается объяснить себе, что происходит. Глупая. Из того мирка, которым ограничено ее сознание сейчас, ей никогда не понять».

– Я обдолбалась... я просто сильно обдолбалась...

– Или...

Сизиф выдержал паузу. Затихла и Лиза. Нет, все-таки точно слушает.

– Или ты можешь стать одной из нас.

– Чего? – переспросила Лиза, забыв про вспотевшие ладони, которые должны были плотно закрывать уши.

Смахнув несуществующую пылинку с костюма, Сизиф как ни в чем не бывало продолжал. Он даже не смотрел на нее. Поскреб ногтем по стеклу планшета, будто стирая какую-то кляксу:

– Отработаешь свои кейсы за сотню-другую земных циклов, исправишь карму служением и сможешь выбрать, как закончить этот мировой Цикл.

Лиза с вызовом усмехнулась:

– Так ты типа гребаный ангел что ли? Чет-то не похож.

– Разве? А так?

Сизиф повернулся к ней профилем.

– Что за хрень ты несешь? – Лиза вскочила со стула и сжала кулаки. Она тяжело дышала. – Кто ты, на хрен, такой? Что за долбанные циклы и очки? И кто, мать твою, эти «вы»?

«Теряет терпение. Не лучший показатель для нашей гнилой работенки. С другой стороны, вечность – достаточно долгий срок, чтобы изменить характер».

Лиза приняла угрожающую позу. Будто вот-вот набросится на Сизифа. Кинула быстрый взгляд на стену; туда, где раньше была дверь, слегка прищурилась – вглядывается.

«Глупая, все еще думает, что у нее близорукость. Ну хоть какой-то приятный сюрприз тебя ожидает, девочка».

Сизиф посмотрел на Лизу в упор.

«Ну давай, кидайся».

– Не люблю эту часть разговора, – устало вздохнул он. – «Мы» – это те, кого люди обычно ненавидят. Кого зовут демонами, бесами, голосами в голове. Да, это грязная работа. Но и она в конечном счете нужна Ему. Так говорят.

– Ему?

Сизиф многозначительно ткнул указательным пальцем в потолок.

– Ему, – повторил он многозначительно. – А мы – просто стервятники. Что касается тебя, то ты лишишься тела, свободы воли и практически всего, что есть у человека.

Лиза вдруг затряслась, засмеялась истерическим смехом. Она как будто бы билась в припадке. И вдруг замолчала и уставилась на Сизифа. Темная прядка волос упала на лицо и прилипла к вспотевшему лбу. Взъерошенная, будто одичавшая, в измятой серой робе, Лиза была похожа на сумасшедшую со стажем... или одержимую.

– Да пошел ты! Ты просто гребаный глюк! Я не верю ни в Бога, ни в черта! Знаю я таких, как ты: сидишь, тварюга, умничаешь, пудришь мне мозг. Да будь весь этот долбаный бред правдой хоть на секунду, знаешь, чтобы я тебе ответила?

– Горю желанием узнать, – ровным тоном ответил Сизиф.

– Что надо быть конченным упырем и импотентом, чтобы торчать здесь вместо того, чтобы жить! Какой угодно жизнью! – закричала Лиза во весь голос. – Верни меня назад!

Верни сейчас же, сволочь!

Она сжалась, оттолкнулась от пола, как дикая кошка, бросилась на Сизифа. Выставила вперед костлявые пальцы – чтобы вцепиться ему в горло.

Ее лицо было совсем близко.

Но он не ощутил ни дуновения, ни тепла человеческого тела. Ничего.

Лиза скрючилась на полу позади Сизифа – ее ноги подкосились.

Она пролетела сквозь него и теперь лежала на идеально белом полу, сжавшись в комок; ее передергивало от новых и неприятных ощущений. Будто бы через нее пропустили ток и облили ледяной водой одновременно. Или будто у нее в секунду подскочила температура градусов до сорока. Будто она вся рассыпалась, а потом кое-как, с пробелами, собралась обратно.

Скрюченные пальцы конвульсивно царапали пол. На лбу вздулась синяя вена. Та самая, которую разорвала обжигающая полицейская пуля.

Краем глаза Лиза видела Сизифа. Он по-прежнему сидел на стуле. Снова переменял закинутую ногу.

«Почти как Шэрон Стоун в “Основном инстинкте”», – Лиза всегда поражалась тому, что ей в голову приходили самые неуместные и не подходящие ситуации мысли.

Шэрон Стоун...

Господи, что же происходит?

Господи? Ты здесь? Ты существуешь?

Господи, может быть, тебе лучше и не существовать...

По телу Сизифа, как по потревоженной голограмме, проходили странные помехи.

Именно они напугали Лизу больше всего.

Она в жизни не видела ничего подобного.

Кольшущийся силуэт Сизифа подошел к ней и наклонился низко-низко, почти лицом к лицу. Помехи прекратились, и Лиза четко увидела смуглую пористую кожу и темные, почти черные глаза.

– Имей в виду, я дам тебе только одну возможность отказаться, – сказал Сизиф и направился к двери, которая вдруг стала отчетливо видна.

Сделав глубокий вздох, Лиза оперлась на все еще скрюченную руку и приподнялась.

Она видела, как Сизиф вышел из ослепительно белой комнаты, и попыталась проползти за ним, чтобы выбраться.

Однако, как только Сизиф вышел, очертания двери опять исчезли. На экране, прямо перед ней, снова появился крупный план ее мертвого лица. Закатившиеся глаза, открытый беспомощно рот, и струя крови из разможенной черепной коробки.

Лиза зажмурилась, и тихий стон вырвался из плотно сомкнутых губ. Ее снова бил озноб, она обливалась холодным потом.

Лизе было страшно. Она больше не могла скрывать этого.

Хотя бы от себя.

Сизиф закрыл за собой белую дверь. Приземистая женщина по-прежнему стояла в коридоре, пялясь на экраны, где все еще распадался на части преступник, а электронный голос вещал о нарушении главного закона их службы.

Услышав Сизифа, женщина вздрогнула, отвернулась от экранов и одернула костюм. Потом принялась листать на планшете файлы Лизы, будто все время только этим и занималась.

– Я же говорила. Она плохой кандидат, – важно произнесла женщина.

– Ничего, я был еще хуже.

Сизиф забрал планшет из ее рук, перевернул и протянул обратно.

Только сейчас она заметила, что держала его верх тор-машками, и покраснела.

«Значит, не больше двух-трех человеческих циклов на службе, – подумал Сизиф, – программы подсознания еще контролируют фантом ее тела».

Он пошел прочь, направляясь к подобию кухоньки, где его ждало то, любовь к чему он так и не смог выкорчевать из души, – кофе.

– Так что мне с ней делать? – растерянно окликнула его женщина.

– Загрузите ей демоверсию среднестатистической жиз-

ни, – не оборачиваясь, ответил Сизиф, – при ее карме.

Глава 10

История Бернара и Софии

– Ну хватит, Бернар, хватит, – говорила девушка, накрывая ладонью руку, сжавшую ее коленку под юбкой. – Мне пора.

Стекло запотело. Музыка тихо заполняла салон автомобиля, но Софи ее почти не слышала: Бернар шумно и горячо дышал ей в ухо.

Похоже на картинку из какого-то старого фильма. Она не помнила название, смотрела девочкой, но сцена засела в голове на всю жизнь. Что-то там про корабль.

Надо еще провести рукой по стеклу, мутному от их частого дыхания.

И Софи провела. Холодное стекло оставило на ладони липкую влагу.

Софи загляделась на свое помолвочное кольцо.

Да, определенно как в фильме, только у нее на пальце блестит бриллиант.

– Софи, ты же теперь моя невеста. Какая разница, что подумает твоя мать?

Она с трудом разбирала слова Бернара: его губы вжимались в ее шею, а рука продвигалась все дальше.

Инстинкты требовали продолжить, но разум Софи нико-

гда не выключался. Он был ее счастьем и проклятием одновременно: мысли, холодные и острые, прорывали химическую завесу гормонов.

«Рано».

«Пусть ждет».

Софи засмеялась и игриво шлепнула Бернара по руке.

– Все, до завтра.

Помедлив, она быстро поцеловала его в нос, давая понять, что решение принято. Она контролирует ситуацию. По крайней мере, пока.

– Так нельзя, Софи, честное слово. Я сделал все, как ты хотела. Разве ты не можешь хотя бы...

– Хотя бы что? – с вызовом спросила она.

И улыбнулась одной из тех обворожительных улыбок, которые с детства помогали ей казаться милой, чтобы она ни делала и ни говорила.

Бернар насупился.

Он не мог сказать того, что хотел. Она смотрела на него большими распахнутыми глазами. Любое слово сейчас казалось бы грубостью и пошлостью – Софи отлично знала, что делала. Так ее учила мама: никому не нужны девушки с открытым сердцем; интригуй, дергая за ниточки. Управляй мужчинами с помощью того, чего они так желают. Пока это хоть кому-нибудь нужно. А потом... Но это потом было еще слишком далеко.

– Сама дойдешь? – обиженно спросил Бернар.

До подъезда оставалось совсем немного. Темный двор на днях перекопали: то ли трубы лопнули, то ли какой-то кабель прокладывали. Софи это не интересовало. Она жила в предвкушении того, как съедет от своей вечно хмурой матери в шикарную квартиру Бернара. А это должно было произойти совсем скоро. И она, в отличие от матери, войдет в новый дом законной хозяйкой, и никто никогда не сможет выгнать ее оттуда. Спасибо, мама, за мое красивое лицо. За то, что в ту ночь, когда маленький комочек плоти поселился в твоём животе, ты выбрала для любовных утех рослого парня с синими, как небо в голливудских фильмах, глазами. Спасибо, мама, за родинку в уголке моих губ. Эта родинка – моя драгоценность.

Обычно Бернар провожал ее до двери, но сейчас ему хотелось показать характер. Ничего, пусть показывает. Через час он позвонит ей сказать, что доехал. Бернар доберется до дома через полчаса, но решит заставить ее поволноваться. Однако он не получит желаемого. Нет. Потому что она ответит ему только через два часа. Пусть звонит ее матери, пусть напишет десяток СМС в волнении, пусть представит себе все ужасы, которые могли произойти с ней в этом темном дворе. Власть... Софи любила ее. Власть над мужчиной. А как же иначе? Иначе он уйдет так же, как отец, отчим и множество других мужчин, которые бросали мать, надавав ей кучу обещаний. Некоторые обещали что-то даже Софи. Но она быстро научилась им не верить.

Так что, Бернар, давай поиграем в твою игру. Я готова играть в твои игры до тех пор, пока они – часть моих.

Софи выпорхнула из машины, махнув Бернару рукой и послав ему воздушный поцелуй. Сама невинность. Она добилась своего. Уже сейчас в том, как он насупился, чувствовались сомнение и вина. То ли еще будет через два часа.

Мой милый Бернар, не волнуйся, будет больно и страшно, но я знаю, куда веду тебя. Я буду хорошей женой. Мы будем счастливы, вот увидишь.

Бернар выждал мгновение, потом все же нажал на газ, чуть резче, чем следовало. Машина сорвалась с места.

Софи посмотрела ему вслед, затем повернулась к дому. Совсем чуть-чуть, и весь этот двор, со всеми его запахами и обитателями, останется в прошлом.

Она подняла голову к небу, затянутому тяжелыми, брюхатыми тучами. Не было видно ни звездочки. Полная луна пряталась за темный бок облака, освещая его кромку:

– Я везучая, – прошептала Софи то ли себе, то ли небу и улыбнулась, закрыв глаза. – Какая же я, черт подери, везучая!

Она вставила в уши наушники и включила динамичную музыку. Пританцовывая и подпевая мимо нот, направилась к подъезду.

Слабо освещенная дверь все приближалась.

Шаг, еще один...

Позади, от тени раскидистого дерева отделились две вы-

тянутые, тощие тени.

И двинулись вслед за девушкой.

Шаг, еще один...

В руке первой тени что-то блеснуло. Острое лезвие карманного ножа.

У второго была пустая пивная бутылка.

Он разбил ее о бордюр.

Софи ничего не слышала. В ушах звучала музыка.

Шаг, еще один...

Кто-то стоял у окна и смотрел вниз, во двор.

Он услышал короткий, пронзительный вскрик, быстро превратившийся в сдавленное мычание.

Несколько мгновений человек все так же смотрел во двор.

Могло бы показаться, что на нем черный костюм с узким воротничком.

Человек закрыл окно и задернул шторы.

Год, два... десятилетие, второе...

Женщина за сорок, бледная, располневшая, лежала, накрывшись давно не стиранным одеялом.

Если приглядеться, можно было различить на ее обрюзгшем лице, изуродованном шрамом, родинку в уголке губ.

Полуседые волосы сбились в нечесаный ком. На ногах, торчащих из-под сбившегося одеяла, – темные пятна пролежней.

Женщина скривила рот в нечленораздельном мычании, будто пытаясь что-то сказать или кого-то позвать.

Пальцы правой руки потянулись к засаленной веревке, на которой висел колокольчик. Эти пальцы – немного, что двигалось в ее теле и подчинялось ей.

Дотянулась.

Она дергала и дергала веревку, которая то и дело выскальзывала из ее неуклюжих толстых пальцев.

Тишина. Никто не приходил.

Женщина замычала.

Мычание и неровный, гнусавый звон старого колокольчика. Трудно переносимая смесь уродливых звуков.

Ничего. Тишина.

Женщина нахмурилась, поджала губы и тяжело сглотнула.

Вокруг ее вялых, бледных бедер начало расползаться желтое пятно. Мокла и липла к телу ночная рубашка.

Наконец в коридоре послышались шаги, и на пороге появился крупный, одутловатый мужчина. В его опухшем лице смутно различались черты Бернара.

– Чего тебе опять? – невнятно проговорил он, дожевывая бутерброд. Его взгляд упал на желтое пятно. – Ах ты тварь! Опять обоссалась! Лучше б ты сдохла тогда!

Двумя быстрыми шагами Бернар подошел к кровати и наотмашь ударил женщину по лицу. На ее глазах выступили слезы. Она молчала, даже не мычала. Молчание – единственное, что она могла противопоставить ему.

Теперь, когда Бернар оказался так близко, на нее пахнуло перегаром. Он был пьян. Как и всегда.

Женщина отвернула голову.

Мужчина нагнулся над ней. Запах стал еще сильнее. Бернар схватил ее лицо большой, грубой рукой и резким движением повернул к себе.

Женщина только беспомощно дергала плечом парализованной руки, инстинктивно пытаясь защититься.

– Лучше б ты сдохла тогда, мразь, – повторил Бернар, наклонив голову так низко, что почти вдавил свое лицо в ее, подмяв нос. Софи задыхалась. – Как же я тебя ненавижу!

Софи сделала то, что всегда делала – сильно, до боли, зажмурила глаза. Она делала так с того самого дня, когда он из чувства вины женился на ней, потому что врачи сказали, что есть шанс...

Темнота. Темнота. Она желаннее всего.

Темнота...

Глава 11

Тогда же: за три месяца и 15 дней до конца

Темнота...

Неожиданно темнота дернулась, голос Бернара исказился и исчез, запах перегара испарился, и яркий, слепяще белый свет резанул глаза.

Темная высокая фигура стояла прямо перед ней.

Зажмуриться, зажмуриться изо всех сил...

– Открой глаза. Давай-давай, открывай.

Она приоткрыла глаза, сощурившись.

Знакомое лицо, знакомая комната...

– Неплохая демоверсия, да? – лицо над ней начало обретать очертания.

Она затравленно оглянулась, дернула парализованной рукой – та неожиданно поддалась. Послушная. Живая.

Она ошарашенно пялилась на свою молодую мягкую ладонь.

– Совсем как настоящая жизнь, если не приглядываться.

Наша разработка, – пояснил Сизиф.

Лиза подняла глаза – он как раз заканчивал отсоединять от нее провода шлема.

Сизиф выглядел в точности как в их последнюю встречу. Тот же пиджак, та же ухмылка, только в руке дымящаяся

кружка с какой-то мутной бурдой без запаха.

Мгновение – и ошарашенное, потерянное выражение лица Лизы сменилось яростью. Нос сморщился, обнажив верхние зубы, глаза сузились.

Она ринулась вперед, чтобы наброситься на него. Сизиф даже не отшатнулся. Он стоял на месте, в упор глядя на нее и улыбаясь.

Уже перед самым его носом Лиза резко затормозила, едва не потеряв равновесие. Ее глаза забегали. Взгляд метнулся на белый пол – на то место, куда она упала, пролетев сквозь Сизифа и где потом корчилась в судорогах.

– Смотри-ка, чему-то ты все-таки учишься, – сказал Сизиф, сделав большой глоток из кружки.

– Чтоб тебя, – тихо проговорила Лиза, приблизив свое лицо к лицу Сизифа. – Ты держал меня там пятнадцать лет, ублюдок!

Сизиф сделал глоток, чуть было не задев чашкой нос Лизы, но та и не подумала отступить назад. Не собиравшись отступать и он.

– Размечталась, – ответил он. – Все длилось минут пять. Я как раз успел сходить за кофе.

Лиза нахмурилась, огляделась вокруг, осмотрела свою мятую серую робу.

– Что? – жалко переспросила она.

Сжала руками виски и попятилась назад. Все это не умещалось в голове.

– Я хочу домой...

Голос ее зазвучал совсем по-детски.

Сизиф выдохнул.

– Знать бы еще, где этот дом.

Он тоже сделал шаг назад и опустился в удобное, но старомодное кресло, появившееся из ниоткуда.

– А теперь слушай. Слушай внимательно, ибо я не люблю повторять. Твоя земная жизнь в облике Лизы Чайковской закончилась. Твое тело уже гниет в могиле. Возвращаться тебе некуда. Лучшее, что тебе светит, – это десятки таких жизней, как эта довольно гуманная демоверсия. Стандартный путь души с таким неприглядным кармическим счетом.

– Да что ты, говнюк, понимаешь? У меня была ужасная жизнь!

– Твоя жизнь была идеально подобрана, чтобы дать тебе возможность искупить кармические задолженности, научиться новому. Но ты убила человека.

Лиза открыла рот, чтобы сказать что-то еще, но Сизиф жестом остановил ее.

– Я бы на твоём месте заткнулся и послушал. То, что предлагаю тебе я, – это не только служба, это еще и знание. По крайней мере, то, какое открыто на нашем уровне. Немного, но все же лучше, чем там внизу, в этой мясорубке.

– Я не понимаю... Ты говорил про каких-то там демонов. Как можно этим искупить свою чертову карму?

– Ну вот, пошел разговор. Ты, оказывается, деловой чело-

век.

Лиза нахмурилась. Конечно же, она хотела обложить Сизифа крепким матом. Или плюнуть в его наглую, самоуверенную рожу. Но события сегодняшнего дня подсказывали, что это не лучшая идея. По крайней мере, прямо сейчас. Лиза была сбита с толку.

Ладно, пусть рассказывает.

Сизиф едва заметно улыбнулся уголками губ.

– Все, что тебе надо сейчас знать, – это то, что мир произошел от одного начала и в нем нет ничего, кроме этого начала. Ангелы, бесы – все эманации, формы одного. Следишь за мыслью или тут закончим?

– Слежу, – заикаясь, ответила Лиза. – Наверное...

– Мир, к которому ты привыкла, – своего рода гимнастический зал, созданный лишь для того, чтобы души смогли стать лучшими версиями себя или, как тут у нас выражаются, *вернуться домой*. Если бы в мире не было боли и того, что люди называют злом, человеку не приходилось бы делать выбор. А без выбора нет ни роста, ни эволюции, ни перемен, ни, собственно, человека. Ну а мы, – Сизиф неловко поклонился, – мы те, кто эту боль создает, кто вынуждает делать выбор. Мы – экзаменаторы. И мы же падальщики.

Он договорил и, не дожидаясь ее реакции, сразу же встал. Кресло исчезло, будто бы его и не было. Сизиф направился к двери, которая снова четко обрисовалась в стене.

Вот он, выход...

На этот раз дверь никуда не денется. Она будет прямо здесь, перед Лизой: выходи – не хочу.

Но куда ей теперь идти?

Она останется здесь.

И он это знает.

Злость все сильнее закипала в ее жилах.

Кто их просил?

Кто?

– Я смогу вернуться на Землю, – Лиза ненавидела себя за то, как жалостливо зазвучал ее голос, – если сделаю эту вашу чертову работу?

Сизиф, уже стоявший в дверях, обернулся на мгновение:

– Сможешь, – усмехнулся он. – Если окажешься полной дурой.

Глава 12

Прямо сейчас

– И она согласилась? – спрашивает Начальник в Белом.

Сизиф усмехается, задумчиво глядя поверх голов Начальников.

– Да. Но эта ее страсть к жизни... Она никогда не угасала, – он трет пальцем стекло часов на запястье. – Я думал, это пройдет, когда она разберется, что к чему, но нет.

Один из Начальников в черном открывает рот, чтобы что-то сказать, но Начальник в белом останавливает его жестом и задает свой вопрос:

– А вы разобрались, что к чему?

Палец на мгновение перестает тереть мелкую трещинку на стекле часов. Сизиф поднимает голову и недовольно смотрит на человека в белых одеждах.

Молчание затягивается.

Начальник в черном – тот, которому не дали высказаться, нервничает, ерзает. Нельзя не заметить, как сильно его тяготит присутствие Старшего Белого коллеги.

Наконец он не выдерживает, и на этот раз человек в белом его не останавливает:

– Во время обучения с ней были проблемы?

Сизиф улыбается своим воспоминаниям:

– А сами-то как думаете?

Никогда раньше он не позволял себе таких вольностей с начальством.

То ли цифра «100 %» на циферблате часов, то ли что-то еще, трудно уловимое, заставляет его отвечать подобным образом.

Начальник в черном пытается прожечь Сизифа взглядом. Без особого успеха.

Впрочем, Сизиф здесь не для того, чтобы мериться силами. В эти игры он уже наигрался с лихвой.

И он отвечает, продолжая улыбаться:

– Она всегда была слишком любопытна.

За три месяца и 11 дней до конца

На улице было людно. Моросил мелкий дождь. Человек в смешном фартуке продавал горячие пончики с прилавка у входа в забегаловку.

Должно было быть тесно. Должно было быть холодно от летящих в лицо капель дождя и резких порывов ветра. Дразнящий, сладкий запах выпечки должен был выворачивать наизнанку пустой, изголодавшийся желудок.

Но ничего такого Лиза не чувствовала.

Только видела и слышала.

Это все, что было ей доступно.

Один вопрос мучил Лизу, пока они шли сквозь толпу:

Что же тогда реально? А что иллюзия? Или, может, существует реальность, которая реальна для одних, но нереальна для других? Реальность, реальная наполовину?

Голова буквально лопалась от непонимания. И Лиза все больше злилась. Она хотела бы сожрать все эти пончики разом и намочить волосы под дождем. Вот чего она действительно бы хотела.

– Ну же, папаша, скажи хоть что-нибудь! Что-то же мне должно понравиться в нашей работенке?

– Еще раз назовешь меня папашей, и в твоей новой работе тебе не понравится ничего.

Лиза скорчила рожу за его спиной.

Мимо шли люди. Совсем близко. Но никто их не замечал.

Кто-то задел Лизу плечом. Она инстинктивно приготовилась к удару и боли, заранее сжалась и разозлилась, на языке уже вертелись соответствующие слова.

Но плечо прошло насквозь.

В отличие от того раза, когда Лиза пролетела сквозь Сизифа, сейчас она совсем ничего не почувствовала. Человек же поморщился и потер висок, списав свои странные ощущения на спазм сосуда в головном мозге.

Лиза вдруг вспомнила, сколько раз сама чувствовала что-то странное: то холодок пройдет по затылку, то во сне будто бы кто-то толкнет в бок, то неожиданно зазвенит в ухе или заболит где-то... Неужели это были...?

Иногда лучше знать меньше. А этот говнюк, что идет впе-

реди с таким довольным видом, обещал ей еще какие-то новые знания.

Ну уж нет! Пусть засунет свои знания в...

– Они нас не видят, да? – спросила Лиза, вглядываясь в лица прохожих.

Раньше смотреть людям в глаза ей было трудно. Сейчас же это давалось легко. Интересное ощущение.

– Обычно нет, – ответил Сизиф.

– И не слышат? – не унималась Лиза.

– Нас слышит тот, на кого мы воздействуем.

– Значит, если мы захотим, любой из них может нас услышать?

Ответить Сизиф не успел. Мимо прошел неопрятный парень в дутой яркой куртке. Жирными пальцами он пихал в рот чипсы. Поравнявшись с Лизой, парень сплюнул прямо ей под ноги. Лиза ненавидела, когда так делали. Это напоминало ей отчима и вечно вонявшую кровью и дерьмом живодерню.

– Да что б ты подавился, свинья, – бросила ему Лиза, торжествуя от своей безнаказанности.

Неожиданно парень закашлялся. Кусок пережаренной картошки встал у него поперек горла. Глаза заслезились. Он выронил пакетик с чипсами и в панике стал судорожно бить себя по спине.

– Я бы так не делал, – не оборачиваясь сказал Сизиф.

Лиза замедлила шаг и ошарашенно смотрела на парня.

Тот откашлялся и, наконец, глубоко вдохнул. Красные глаза заморгали и с жалостью посмотрели на рассыпавшиеся по тротуару остатки чипсов. Проходивший мимо мужчина наступил на них и унес часть на подошве ботинка.

– Это что... я? – улыбнувшись во весь рот, спросила Лиза. – То есть я могу... ого... тогда я знаю, кого навещу сегодня первым делом.

Лиза сощурилась и хищно потерла руки.

– Гребаный Штырь. Сегодняшний «приход» он точно не забудет.

– И этого я бы не советовал, – усмехнулся Сизиф.

– Знаешь что, хреновый ты советчик.

Мимо прошла женщина со стаканчиком кофе в руках. Она выбросила крышечку, и ароматный пар поднимался в воздух. Сизиф на мгновение закрыл глаза и сделал глубокий вдох. Бледное облачко рассеялось – Сизиф открыл глаза и грустно улыбнулся.

Он ничего не почувствовал. Но на мгновение ему показалось, что он вспомнил, как пахнет настоящий кофе. Свежемолотый, из хорошо прожаренных зерен, приготовленный на огне. Только это воспоминание он и хотел бы удержать в сознании, но оно улетучивалось так же, как облачко пара. Зато другие – нежеланные – держались крепко, как вбитые по самую шляпку гвозди.

– Возможно, я и не лучший советчик, но если ты нарушишь закон и влезешь в жизнь того, кто не является твоим

объектом, давать советы мне станет некому.

Лиза оскалилась и высунула язык.

Сизиф неожиданно обернулся – она не успела убрать гримасу. Не имея желания извиняться, Лиза просто развела руками и пожалала плечами. Сизиф смерил ее холодным взглядом.

– И еще совет, – продолжил он. – На твоём месте я бы не полагался на свои мозги. Спрашивай, пока я рядом. А это будет недолго.

Сизиф отвернулся и пошел вперед. Лиза неохотно плелась следом.

– Зашибись. Ладно, у меня вопрос. Если есть мы, значит, существуют и хорошие ребята? Типа ангелы там всякие. Ну и где они? И мы типа как? Боремся с ними или вроде того?

Сизиф закатил глаза. Предложив ей задавать вопросы, он явно ошибся.

– Сознание – как радиоприемник, – начал Сизиф.

Мимо прошла парочка. Мужчина что-то говорил на повышенных тонах недовольной женщине, небрежно несшей в руках дорогой букет. Сизиф легонько коснулся виска женщины и прикрыл глаза. Его губы едва заметно зашевелились. Мгновение спустя женщина впихнула букет мужчине в руки с такой силой, что нежные розовые лепестки посыпались на мокрый асфальт, вlepила пощечину и, резко развернувшись, ушла прочь. Лиза с усмешкой проводила ее взглядом.

– Человек своими мыслями и действиями настраивает со-

знание на определенную волну: на нас или на них, – Сизиф неопределенно показал куда-то вверх. – С теми «ребятами» мы просто на разных волнах. Поэтому никаких ангелов ты никогда не увидишь и не услышишь. Как и большинство людей. Ясно?

– Ясно. У меня еще вопрос!

Из ближайшего кафе, хлопнув дверью, выскочил раскрасневшийся парнишка лет восемнадцати. Тяжело дыша, он быстрым шагом направился к припаркованной неподалеку машине. Выкрашенные синим пряди волос трепыхались на макушке от быстрой ходьбы. Он что-то бормотал себе под нос. Судя по всему – нецензурное.

Сизиф неожиданно остановился. Лиза не успела затормозить и снова прошла сквозь него. Ощущения опять оказались сильными и неприятными, но почему-то не такими болезненными, как в прошлый раз. Лиза поежилась и обхватила себя руками, чтобы как-то согреть свое несуществующее тело после обдавшей его волны холода.

– На сегодня лимит вопросов исчерпан, – сказал Сизиф. – А вот и твое первое упражнение.

Лиза проследила за взглядом Сизифа. Он определенно смотрел на парнишку, который нервно дергал неподдающуюся дверцу машины. Худой, бледный, на щеках – россыпь красных следов от подростковых прыщей. Синие пряди подчеркивали круги под глазами.

– Этот молокосос? – хрипло спросила Лиза.

Сизиф не ответил. Он подошел к машине, жестом подзвал Лизу и забрался внутрь, даже не открыв дверь. Как только он так быстро перестроился?

В салоне было дымно: парнишка курил сигарету за сигаретой. Впервые Лиза порадовалась, что ничего не чувствует: при жизни она страдала аллергией на табачный дым.

Они с Сизифом сидели на заднем сиденье.

Парнишка нервно рулил куда-то на окраину столицы. Он и понятия не имел, что прямо за ним сидят двое покойников, для одного из которых он сейчас станет подопытным кроликом... Интересно, для какого опыта?

– Как его зовут? – вдруг спросил Сизиф.

– Издеваешься? Сам же выбрал этого придурка. Ты только посмотри, как он водит!

Парнишка яростно крутил ручку радио: обрывки громких песен врывались в салон, перебивая друг друга. Ему ничего не нравилось.

– Положи ему руку на плечо, – велел Сизиф.

Лиза скорчила красноречивую гримасу. Сизиф невозмутимо смотрел на нее, ожидая, когда она послушается.

Лиза закатила глаза, но потом все-таки потянулась к парню.

– Надеюсь, он не подавится и не блеванет. Не хотелось бы запачкаться его мозгами, если он куда-нибудь врежется.

Пальцы Лизы опустились на плечо. Она не ощутила ни

ткани куртки, ни тепла тела. Совсем ничего.

Неожиданно Сизиф закрыл ей глаза ладонью.

И снова спросил:

– Как его зовут?

– Ты глухой? Я же сказала...

Сизиф не дал Лизе договорить:

– Ты знаешь о нем все. Информация исходит от него волнами. Заткнись хоть на секунду и слушай пространство. Чувствуй.

Лиза притихла на мгновение.

– Да ничего я...

И тут она действительно что-то почувствовала. Это трудно было описать, потому что никогда раньше она ничего подобного не ощущала. К тому же все слова, которые она знала, описывали лишь то, что может чувствовать тело.

Странные волны. Образы в голове, которые приходили будто бы извне.

– Меньше думай, – тихо проговорил Сизиф над самым ее ухом.

Он наклонился к ней. Если бы они дышали воздухом, ее волосы колыхнулись бы от его близкого дыхания.

– Ты можешь читать их мысли. Нужно просто отказаться от своего огромного эго и бесконечных вопросов, перестать оценивать и судить – и тогда...

Сизиф отнял руку от глаз Лизы и коснулся указательным пальцем ее лба, между бровей.

Странно, но в этот раз Лиза не ощутила жутких судорог от соприкосновения с ним. Надо будет потом спросить, почему. А сейчас... сейчас ее занимало совсем другое.

– ...освободится место для чужих мыслей. Смотри на него и сосредоточься.

Образы, имена, даты... Лиза просто знала все это. Видела прямо перед собой. Казалось, она даже могла коснуться некоторых воспоминаний. Некоторые были в помехах или мутные, где-то вообще ничего не разглядеть. И все же она видела и знала так много... В какой-то момент Лизу охватил страх. Как не потеряться в океане другого человека? Как собрать себя назад, не растворившись в пугающей близости к совершенно чужому сознанию? На мгновение Лизе даже показалось, что между нею и этим придурком, вызывавшим у нее брезгливость, нет никакой разницы...

– Как его зовут? – повторил Сизиф.

– Паша, – ответила Лиза. – Ему девятнадцать. И его только что бросила девушка... Ушла к кому-то... кому он доверял.

Сизиф отнял палец от ее лба.

Медленно и неохотно Лиза открыла глаза.

Она снова была собой – связь прервалась. Она сняла руку с плеча парня.

Лиза бросила взгляд на Сизифа. Тот ухмылялся, но на нее не смотрел. Лиза испытала облегчение. Не хотелось бы, чтобы он сейчас увидел выражение ее лица и понял, насколько она поражена.

Лиза почти готова была признать, что этот Сизиф не такой уж и кретин.

– Неплохо, – сказал он. – Для первого раза. Только ему восемнадцать.

– Ну простите, в паспорт не заглянула, – огрызнулась Лиза, всеми силами стараясь изобразить уверенность.

Меж тем Паша, не сбавляя скорости, потянулся за телефоном и принялся кому-то звонить. На экране появилась фотография миловидной девушки, почти совсем еще ребенка. Поверх изображения красовалась подпись «Солнце», рядом мигали солнечные смайлики.

Гудок.

Еще один.

Затем гудок оборвался. Миловидное «солнце» сбросило звонок.

– Сучка! – взвизгнул Паша. – Решила меня слить! Я тебе покажу!

Машина вильнула, повторяя движение напряженной, вспотевшей левой руки – единственной, что оставалась на руле.

– Так в чем суть работенки? – спросила Лиза, повернувшись к Сизифу.

– Создать выбор. Поднажать. Проверить.

– Бла-бла-бла, – передразнила Лиза. – Ты когда-нибудь просто отвечаешь на вопросы? Без всей вот этой философской фигни?

На лице Сизифа появилась кривая усмешка.

– Каждый из них всегда знает, как должен поступить. Всегда. Но поступает иначе. Ведь то, что предлагаем мы, – проще. Нам достаточно нашептать, предложить. И вуаля.

Лиза отмахнулась:

– Да брось! Люди, конечно, идиоты, но не настолько же.

Сизиф ничего не сказал. Только усмешка стала еще шире.

Паша тем временем оглядывался, хмурясь и матерясь. Он пропустил поворот. Всего один поворот – и он уже не знал, куда ехать...

Как это было похоже на жизнь Лизы. Один пропущенный поворот, и ты теряешь все ориентиры.

Не отпуская руль, Паша начал остервенело листать приложения в телефоне в поисках навигатора. Сеть то и дело терялась. Навигатор гнусаво твердил:

– Вы ушли с маршрута. Вы ушли с маршрута.

– Да заткнись ты! – прошипел Паша. – Только тебя не хватало!

– И долго нам так... – начала Лиза, но Сизиф приложил палец к губам и кивнул на парня.

И вновь механический, лишенный сочувствия голос:

– Вы ушли с маршрута.

Паша сорвался. День выдался просто ужасным. Навалилось все. Препод в универе всегда его недолюбливал, но сегодня недолюбил особенно, прямо при всех. «Солнце» решила, что может так просто уйти от него, сказав пару фраз за

бумажным стаканчиком кофе в дешевой забегаловке. Чертов поворот оказался позади. А теперь еще и этот навигатор. Паша торопился. Ему надо было быть дома с минуты на минуту, а телефон вновь и вновь терял связь.

– Вы ушли с маршрута.

Да! Да, черт подери, он определенно ушел с маршрута! Понять бы, когда это случилось.

Гнусавый голос начал снова повторять ненавистную фразу. Паша не выдержал и со всей силы шибанул ладонью руль, сорвал телефон с лобового стекла и швырнул на соседнее сиденье.

Лиза пожала плечами. Она и сама так делала. Иногда. Раньше.

И что?

– Чертов гребаный день! Ненавижу! Ненавижу! – орал Паша, продолжая долбить рукой о руль.

Затем он заметил, что проехал еще один поворот. Тяжело дыша, Павел обернулся к соседнему сиденью: телефона там не было. Трубка упала вниз, под кресло.

Каким бы ненавистным ни был голос навигатора, но сейчас без него не обойтись. Не переставая рулить и не сбавляя скорости, Паша наклонился и стал шарить пальцами в пыли и крошках под сиденьем.

– Эй, придурок, смотри на дорогу, – невольно вырвалось у Лизы.

Сизиф продолжал усмехаться.

Мерзкая такая ухмылочка.

Он наклонился ближе к парнишке и проговорил:

– Ты никому не позволишь помыкать собой. Она посмела не слушать тебя, пренебречь. Но твой собственный телефон будет тебя слушаться. Ты заставишь его.

Мужчина лет тридцати совершал ежедневную пробежку.

Прохладный воздух, пропахший влажной землей и хвоей, монотонный бег и любимая музыка в наушниках, защищавших от мира, – единственное, что помогало сосредоточиться. Единственное, что отгоняло отцовский голос в голове: «ты никогда ничего не добьешься». Но сейчас он был близок к цели, как никогда. Вот бы увидеть выражение отцовского лица, когда...

Паша не заметил мужчину. Он только-только нащупал телефон, и теперь вбивал в строку навигатора адрес родительского дома.

Потом он бросил взгляд на дорогу. Но сделал это секундой позже...

Удар...

Лиза инстинктивно взвизгнула и прикрыла рот руками.

– Твою же мать! – проговорила она сквозь прижатые к губам пальцы. – Ты видел?

Паша замер. Краска прилила к лицу. Дрожащими руками он вцепился в волосы и прошептал:

– Господи Боже...

– Поздно же ты Его вспомнил, – усмехнулся Сизиф.

Пашу трясло. По пунцовым щекам пошли белые пятна, он почти не моргал, боясь посмотреть на то, что лежало перед машиной.

Вокруг никого...

– Что же это за день такой, – сам не понимая, что говорит, бормотал Паша. – Господи... что же мне делать?

Сизиф откинулся назад, скрестив руки на груди.

Он наблюдал.

Лиза глянула на него, нахмурившись.

Она не собирается просто так сидеть.

Паша медленно и неуверенно вышел из машины. Лиза вылезла следом, бросив на Сизифа злобный взгляд.

Паша и бесшумная, никому не видимая Лиза подошли к распластанному на дороге телу. Из горла мужчины вырывались хриплые звуки, глаза закатились, рука и нога неестественно вывернулись. По асфальту расплзлась лужа крови.

Кровь медленно доползла до белоснежных Пашиных кроссовок и обволокла подошвы, просачиваясь сквозь мягкую ткань.

Паша пошатнулся, будто огромная рука сжала его внутренности в тугий ком и подтянула прямо к горлу. Еще мгновение – и его вывернет наизнанку.

Синие пряди волос прилипли к вспотевшему лбу.

– Да что ты встал, урод? Доставай свой чертов мобильник и звони в скорую! – кричала ему Лиза.

– Сейчас-сейчас, погоди... я вызову... что же это... –

сдавленно бурчал парнишка, думая, что сказать хрипящему умирающему человеку.

Дрожащей рукой Паша достал из кармана телефон.

Пальцы Сизифа коснулись его виска. Лиза не заметила, как он подошел. В ту же секунду телефон выпал из руки Паши.

– Подсознание, – пожал плечами Сизиф. – Он думает, что не хотел ронять телефон, но его тело лучше знает, чего он на самом деле хочет.

Лиза отступила на шаг и как замороженная смотрела на происходящее.

Паша присел, чтобы поднять мобильник. На экране высветилось заветное «нет сигнала».

Сизиф нагнулся к нему.

– Брось его. Уезжай, – прошептал он. – Никто не видел. Вот и связи нет. Это не твоя вина.

Паша затравленно оглянулся.

– Сдурел? Что ты несешь? – бросила Сизифу Лиза.

Она хотела оттолкнуть его от парнишки, но рука прошла насквозь. Болезненная судорога снова сотрясла тело. Лиза отшатнулась.

Паша сопротивлялся. Он попытался встать, чтобы поймать сеть, но ноги его подкашивались, сжавшиеся внутренности не давали распрямиться. Он бросил взгляд на утопающие в крови наушники сбитого – и нутро свернулось еще сильнее. Он на коленях пополз к машине, невнятно шепча:

– Сейчас... сейчас...

– Не слушай его! Звони в скорую, кретин! – кричала Лиза.

Опершись на открытую дверцу автомобиля, Паша кое-как поднялся и рухнул на сиденье. Телефон показал пару делений: он поймал сеть. Один звонок. Всего один...

Капли пота со лба падали на покрывшийся трещинами экран.

Один звонок...

Дрожащие пальцы принялись набирать номер скорой.

– Ты ему уже ничем не поможешь, – продолжал Сизиф. –

Никто не знает, что это был ты.

Худые, вспотевшие пальцы парня замерли. Он бросил последний взгляд на сбитого мужчину, потом – на свое отражение в зеркале заднего вида.

Это те же глаза, какие были с утра, когда ничего еще не произошло. Глаза, что хотят смотреть на мир и завтра, и послезавтра. Глаза, которые смогут забыть то, что видели. Они смогут. В них совсем ничего не изменилось. Совсем ничего.

Быстрым движением, будто боясь расплескать решимость, Паша дернул дверцу машины на себя и вжал педаль газа.

– Подлая сволочь! – заорала Лиза вслед удаляющейся машине.

Затем она обернулась к Сизифу.

– И ты сволочь! Человек умирает!

Сизиф медленно встал, одернув полы длинного пиджака.

– Как и все. Все они умирают. А ты...

Сизиф смерил Лизу медленным взглядом:

– Считай, что ты провалила задание. Урок первый: мы не имеем права ослушаться и не можем ничего изменить к лучшему.

– Да пошли вы все знаете куда? Особенно ты, гребаный живодер!

Сизиф не стал ничего отвечать. Мгновение он просто смотрел ей в глаза. Даже не отпустил колкой шуточки. Просто промолчал. Затем развернулся и прошел прочь по пустой дороге. Лиза колебалась. Она больше не хотела с ним разговаривать, но...

– Мы что, просто бросим его умирать? Мы должны что-то сделать! – крикнула она в спину Сизифу, а потом, сама не заметив как, медленно поплелась следом.

– Через пять минут он умрет в любом случае, – ответил Сизиф, не оборачиваясь. – А мог бы изобрести вакцину от опасной болезни. Но теперь многие умрут без этой вакцины, включая того, кто его сбил. Уже через полгода.

– Почему он должен умирать? Разве мы не можем что-то сделать?

– Он умрет, потому что люди были близки к тому, чтобы заслужить лекарство, но облажались. Опять. А наш прыщавый красавчик – просто последняя капля. Исполнитель. И исполнителем он стал не просто так, поверь. Люди встречаются друг друга не волей случая.

– Какие еще люди? – спросила Лиза, семена позади.

– Да все. Они думают, каждый сам за себя, умники. Ну а теперь каждый сам за себя будет сидеть дома, боясь подхватить болезнь.

Лиза обогнала Сизифа и преградила ему дорогу:

– Ты... ты просто... Я отказываюсь это делать! Отказываюсь, слышишь! – она тыкала в него указательным пальцем, но не касалась. – Верни меня в жизнь! Я лучше буду той французской паралитичкой по уши в говне!

– Ну, это ты всегда успеешь, – спокойно ответил Сизиф. – Идем.

Он шагнул прямо к Лизе. Еще шаг – и он пройдет сквозь нее. Лиза сжалась и отступила в сторону, пропустив его вперед.

Сизиф уходил.

Лиза обернулась на распростертое тело. Из него выходил дух жизни. Она могла это чувствовать. Сердце еще редко, неровно билось, крохотные порции воздуха блуждали в легких, но того, кто жил в этом красивом теле, там уже почти не было.

Лиза долго сосредоточенно смотрела на этот пустеющий разбитый сосуд. Она очень хотела закрыть ему глаза, но ее пальцы больше не были на это не способны.

Глава 13

Прямо сейчас

– Значит, она была слишком своевольна с самого начала? – спрашивает Начальник в черном. – Почему же вы не сменили стажера?

Сизиф опускает глаза и грустно улыбается.

– Она видела людей насквозь... Так бывает с теми, кто прожил много боли и много жизней.

– Это все?

– Нет... Она была похожа на меня.

За три месяца и 10 дней до конца

С высоты город казался кривым лоскутным одеялом с бесконечно движущимися, гудящими реками дорог.

Миллионы людей, миллионы судеб.

И каждый делает выбор. Каждую секунду. Прямо сейчас.

Сколько из них подталкивают люди в черных костюмах с узкими воротничками?

Есть ли те, кто смогут сопротивляться?

Смогла бы она?

Лиза сидела на крыше высокого здания, свесив ноги.

Преодолеть страх. Сидеть, болтая ногами, хотя все внутри

по привычке сжалось в комок.

Тоскливое, промозглое, обдуваемое холодными ветрами одиночество...

– Все еще хочешь вернуться? – слышался голос Сизифа позади.

Лиза не обернулась. Она помолчала мгновение. Он не подошел, не присел рядом.

– У меня вопрос, – начала она. – Почему в этом мире все выглядит в точности так же, как там, внизу? Почему я не похожа на гребаное белое облачко, как в детских мультиках? Что, у Бога совсем плохо с фантазией?

Она услышала, как Сизиф усмехнулся. Он всегда усмехается. Или отвечает сарказмом. Чувствует ли он вообще что-нибудь?

– Лучше бы у Него было поменьше фантазии, – голос немного приблизился. – В нашем мире ты видишь проекции своей психики и психики тех, с кем вступаешь во взаимодействие.

Сизиф присел возле Лизы. В его руках снова была старая жестяная кружка с дымящейся жидкостью без запаха:

– Без всего этого ты бы сошла с ума. Еще вопросы?

Лиза бросила долгий взгляд на движущийся внизу город и отвернулась, обхватив себя за колени:

– Со мной тоже так было? Там, в аптеке? Меня подтолкнули?

Сизиф громко отхлебнул из чашки, затем вытер большим

пальцем губы:

– Тебе не надо этого знать, – ответил он, не глядя на Лизу. – Забудь даже свое имя, как это сделал я... Хочешь?

Сизиф протянул Лизе свою кружку. Она покосилась на жидкость неаппетитного цвета и помотала головой. Сизиф пожал плечами и отхлебнул снова.

Его непробиваемое спокойствие и согласие со всем происходящим бесило Лизу:

– Да, я смотрю, ты забыл даже, каково это – быть человеком. Надеюсь, ты помер как-нибудь очень хреново... Зажарился на костре в Средние века? Тебе бы пошло.

Сизиф резко и подозрительно посмотрел на Лизу. Она еще ни разу не видела у него такого взгляда.

– И что за бурду ты все время пьешь? – с раздражением спросила она.

Сизиф встал и проговорил, глядя на Лизу сверху вниз:

– Нет, я не умер на костре. А это кофе со сгущенкой. Очень вкусно. Пробовала?

– Нет, – понуро ответила Лиза.

Она много чего не пробовала в своей короткой жизни.

– Ну, уже и не попробуешь. Вставай. Время второго урока. Лиза нахмурилась. Он сделал ей больно... она ведь и правда уже больше никогда не попробует ни кофе, ни еще сотни вещей, которые все откладывала и откладывала на потом.

Резкое выражение ушло с лица Сизифа. Вернулось преж-

нее – цинично-безразличное. Вернулась и ухмылка. Самодовольно качнув головой, он развернулся и пошел к выходу с крыши.

Лиза медленно поплелась за ним.

Странно, но теперь, когда он сказал о кофе, она вдруг отчетливо почувствовала дразнящий запах свежесваренного эспрессо, разбавленного молоком.

«Проекции», – подумалось ей.

Глава 14

Тогда же: за три месяца и 10 дней до конца

Снова белая комната.

Лизу передернуло: слишком уж неприятные воспомина-
ния были связаны с этими девственно-белыми стенами. Все
равно что вернуться в изолятор в психушке, в котором про-
вела недельку-другую.

– Когда мне уже выдадут этот ваш жуткий черный ко-
стюм? – спросила она.

В униформе своих мучителей Лиза бы чувствовала себя
здесь куда комфортнее. Серая измятая роба, которую она до
сих пор носила, как будто говорила: ты еще не с нами, ты
нигде, ты зависишь от нас.

– Я сразу понял, что ты хочешь быть похожей на меня, –
связвил Сизиф.

Он листал на планшете файлы чьих-то воспоминаний.

– Ага, вот и оно.

Стены снова стали огромными экранами.

Белый цвет медленно посерел, и в нем появились мутные
изображения, постепенно становившиеся все более четки-
ми.

Жалкий интерьер деревенской избы. Дешевенькие коври-
ки на полу. Беленая печь с черным впалым ртом топки. Чер-

но-белые фотографии. Все это видно как будто через узкую щель в полу.

Это пол чердака. Здесь, между старыми пыльными вещами и детской колыбелькой с тряпьем, лежал худой мужчина. Притихший и напуганный, он старался не дышать. Тело его сотрясало крупной дрожью, холодный пот выступил на лбу. Капелька пота попала в глаз, но он боялся пошевелиться, чтобы протереть его.

Лиза на мгновение прикрыла глаза. Она пыталась уловить имя этого человека.

В голове крутились имена, буквы, случайные слова. Ни одно из них не останавливалось. Наконец темное, потрепанное, выцветшее имя встало прямо перед ней: Василий.

Так его зовут.

1942 год. Где-то в российской глубинке

Когда она открыла глаза, экраны словно растворились, а изображение осталось, объемное и еще более четкое, чем раньше.

Они с Сизифом оказались на том самом чердаке с экранов.

– И что мы тут забыли? – с вызовом бросила Лиза.

Ей уже порядком надоело, что Сизиф ничего не говорит напрямую, только окунает в чужую боль с головой, даже не предупреждая.

– Увидишь, – как всегда уклончиво ответил тот. – Может, кое-что поймешь и избавишься от своих глупых мыслишек.

Лиза усмехнулась: еще бы он ответил прямо.

Сквозь щель в полу можно было разглядеть семью: хрупкую женщину с тугим узлом русых волос и ее тщедушного сына, на вид лет двенадцати. Женщину звали Анна. Лиза узнала ее имя, даже не закрывая глаза. Она не успела понять, почему так получилось, надо будет потом разобраться. Анна разговаривала с каким-то тучным неприятным мужиком, от которого разило самогоном.

– Что это за жирный хрен? – спросила Лиза Сизифа.

– Полицай.

– Полицай? – повторила Лиза.

Она снова оглянулась и заметила портянки на ногах лежащего на чердаке человека, увидела темную форму полицая.

– Это что? Вторая мировая?

Сизиф не ответил.

Хрупкая женщина передала полицая сверток. Тот взял его жирными лапами, не преминув обхватить и руку Анны. Анна медленно высвободила ладонь:

– Это все, что есть, – тихо, но твердо сказала она, глядя полицая в глаза.

– А если проверю? Удержала чаво – повешу на рябине во дворе на глазах у...

Полицай кивнул на мальчика.

Лиза присмотрелась. Сын Анны сидел у горячей печи.

Огненные отблески играли на совершенно белых глазах – мальчик был слеп.

– Как на той неделе Прохора повесили, – договорил полицай.

Женщина шагнула в сторону, чтобы закрыть сына от прищуренных глаз полицая. Федор – так его звали – был когда-то школьным учителем, учил детей немецкому. Иногда, должно быть, что-то в глубине души ему об этом напоминало. Редко, очень редко.

– Ну что ты, Федор, сам же видишь: ничего нет, – Анна показала на стол, где лежала краюшка хлеба, который она сама испекла пару дней назад Бог весть из чего, да несколько вареных картошек.

Полицай громко втянул воздух носом, подошел к Анне почти вплотную и нагло посмотрел ей в лицо. Женщина выдержала его взгляд.

Тощий, слепой мальчишка отыскал мать и вцепился в ее руку. Он стоял перед полицаем, никуда не глядя, держа голову прямо, всем своим видом показывая, что он тут, он все слышит, он с матерью.

– Ладно. Завтра еще за картошкой приду, – усмехнувшись, сказал Федор. – И чтоб не жадничала.

Грузный полицай ушел, хлопнув дверью и оставив после себя здоровенные снежные следы, медленно превращавшиеся в слякоть.

Анна прижала сына к себе, пряча покрасневшие от под-

ступивших слез глаза в копне светлых волос мальчика.

Мужчина на чердаке с облегчением выдохнул.

Только сейчас, от этого выдоха, Лиза вспомнила, где она и кто она.

Мужчина – тот самый, который прятался на чердаке, – теперь стоял в дверях, одетый в теплый ношенный тулуп и валенки.

Надо было уходить. Здесь, рядом с этим вечно снующим полицаем, оставаться нельзя. Федор не пощадит ни его, ни Анну. Да и нога зажила ее стараниями. Теперь он только прихрамывает. Все причины оставаться закончились.

Мужчина топтался на пороге, готовясь прощаться.

– Возьми вот, – Анна протянула ему меховую шапку. – Теплая, хорошая. Мужа моего.

Василий смутился, но шапку взял и тут же надел. Его голова была больше, чем у того, кому шапка принадлежала.

Тем временем Анна отрезала от всего, что лежало на столе, ровно половину. В какой-то момент она чуть поколебалась, не отрезать ли меньше, не оставить ли им с сыном больше. Но быстро овладела собой, и нож отсек ровно половину от краюшки хлеба. Вместе с двумя картофелинами она бросила хлеб в мешочек, завязала его узлом и протянула Василию.

– Возьми. Больше нам дать нечего.

– Долго ждать-то еще? – спросила Лиза.

Она стояла позади Анны, и ей порядком надоело наблюдать за сценой. Где-то она уже видела нечто подобное. Наверное, в каком-нибудь военном фильме.

Сизиф не ответил.

Все это время слепой мальчик дошивал тряпичную куколку. Здесь, на печи, их было с десятков – все одинаковые, но в то же время разные, будто слепец так тонко чувствовал настроение людей, что мог передавать их в своих куклах, несмотря на одинаковые глазки-пуговики и два стежка носа и рта.

Мальчик сделал последние стежки.

– Не надо. Сыну-то оставь, – Василий отвел руку Анны со свертком еды.

– Возьми. Что я еще могу сделать? – ответила она, снова протягивая сверток. – Чертовы фрицы! Хоть я и баба, а стыдно перед Петькой. И перед тобой. Ты вон чуть без ноги не остался, а я кормлю этих гадов и задницу ихнюю в тепле грею.

Слезы снова навернулись на глаза. Анна обняла Василия. Она видела в нем всех, кто ушел на эту чертову войну. И особенно одного из них – самого дорогого.

Не сразу, но Василий обнял ее тоже. Теплое, хрупкое тело. Он прижал его к себе еще ближе. Рука, будто против воли, медленно поползла вверх.

– Аня... – прошептал он жарче, чем хотел.

Она тут же отодвинулась, плотнее укутавшись в платок,

что грел ей плечи.

– Возьми-возьми, – быстро заговорила она, настойчиво суя Василию сверток. – Мы как-нибудь проживем. Может, и Петя мой где-то сейчас голодный, полуживой. Может, и о нем кто позаботится.

Слепой мальчик снова подошел к матери, хорошо ориентируясь в пространстве дома. Он вложил ей в руку свою куклу. Анна протянула ее Василию:

– На вот еще. Оберег. На удачу.

Несколько мгновений Василий стоял на пороге, не двигаясь и ничего не говоря. Бросил быстрый взгляд на слепого мальчика и вдруг схватил Анну за тонкое запястье и резко притянул к себе.

– Анька, пошли со мной, – страстно зашептал он ей в ухо. – Я знаю тропы, уведу вас. Нет твоего Петьки больше, понимаешь? Похоронку на мужа ведь своими глазами видела! Пошли! И сына за своего возьму. Я же тебя со школы еще...

Аня резко высвободилась из объятий Василия, сделала шаг назад и посмотрела на него гордым, твердым взглядом:

– Да что ты, бес попутал? Пока костей Петькиных не увижу – ждать его буду!

Анна сунула куклу-оберег в сумку Василия и отвернулась, бросив через плечо:

– Иди, Бог с тобой.

Несколько мгновений Василий еще смотрел на нее горя-

щими глазами, затем открыл дверь, шагнул за порог, но остановился, обернувшись:

– Крайний раз зову. О сыне подумай!

Анна не ответила. Только подошла к стене и поправила чуть покосившееся фото мужа в рамке.

За ее спиной дверь хлопнула с такой силой, что, стукнувшись о косяк, открылась нараспашку, впустив в дом ледяной порыв ветра и снега. Фото Петра снова покосилось...

Анна кинулась к сыну и укрыла его одеялом.

Ледяной ветер завывал, пробираясь под одежду и до боли царапая огрубевшие щеки.

Василий, хромой и усталый, пробирался сквозь лес туда, где, как он помнил, должны были быть свои.

– Так это прошлое? – спросила Лиза. Они с Сизифом, не чувствуя ни холода, ни ветра, шли позади Василия. – Мы и в него можем вмешиваться?

– Нет, не можем, – ответил Сизиф. – Законы времени для нас непреложны, как и для людей. Нам доступно только смотреть. Учиться.

Лиза разочарованно причмокнула языком:

– Вроде как в кино, что ли? Ясно, короче. Нарекламировал мне тут всякого, а в реале ни хрена интересного мы не можем.

– Знаешь, иногда я понимаю того мента, который тебя...

Резкий звук пронзил ночной лес.

Выстрел.

– Минута в минуту, – Сизиф глянул на часы.

Василий пригнулся, схватившись замерзшей рукой за шапку.

Инстинктивно присела и Лиза.

Откуда?

Было непонятно, с какой стороны доносятся выстрелы.

Еще один...

Послышалась неясная, лающая немецкая речь.

Лиза различила пару знакомых из фильмов слов:

«Хенде хох! Хенде хох!»

Василий затравленно озирался: он был окружен. Выстрелы совсем близко. Грудь ему сдавило кольцо страха. Он замер, взгляд его метался по поляне. Василий попытался рвануть в чащу, но тут увидел, как вооруженные фигуры выходят из темноты леса. Еще выстрел. Острая боль будто прожгла хромую ногу. Василий упал, уткнувшись в снег лицом. Он только прижимал к себе еще теплый мешочек с краюшкой хлеба и картошкой. Шапка съехала на глаза, закрыв весь мир.

– Попал мужик. И что теперь? – тихо проговорила Лиза.

– Знаешь, что мы делать с такой, как ты? – проговорил немецкий офицер.

Он склонился над Василием, который, связанный, сидел на стуле. Подбитый глаз саднил, нога невыносимо ныла,

стреляя жгучей болью до самого бедра.

Он пришел в себя минуту назад, когда один из немцев облил его ледяной водой.

Лиза отвернулась:

– Не люблю я страшилки, ясно? Лучше сразу скажи, чем кончится.

– Это тебе не сериал. Смотри внимательно.

Идеально вылепленное холодное лицо немца придвинулось почти вплотную к Василию:

– Когда у меня хороший настроени, мы вытаскивать человек на мороз голый и медленно обливать его вода, пока он заживо не стать льдом, – немец сделал театральную паузу, протерев пальцем пуговицу на манжете. – Но сегодня у меня плохой настроени.

Василий дернул головой, откинув мокрые пряди волос, лезшие в глаза:

– Пошел ты, фашистский ублюдок!

Лиза улыбнулась:

– Держится пока.

– Немец просто выбрал не ту стратегию, – ответил Сизиф.

Офицер усмехнулся.

– Ты думать, нам нужно знать, где твои партизаны? Мы знать, – фашист выпрямился и стал вышагивать по комнате. – Нам их выдать другой. Я хотеть знать, кто прятать тебя в деревне. Кто тебя кормить и врать нам.

Лиза нахмурилась. Ей вспомнились хрупкая Анна и сле-

пой парнишка. Что-то в том доме казалось ей знакомым. Может, когда-то в далеком детстве у них тоже лежали застиранные ковровые дорожки на полу. Может, стояла беленая печь. Она не помнила.

– Ах вот оно что, – пробормотала Лиза.

– Не дожدهшься, немецкая свинья, – выкрикнул Василий.

Немец не реагировал, только еще сильнее выпрямился. Он знал: все козыри у него на руках. Это читалось по задранному подбородку и поджатым губам.

Офицер кивнул одному из немцев:

– Покажи ему другой.

Двое солдат подняли Василия и потащили в подвал. Он подволакивал раненую ногу, оставляя на полу кровавый след.

Сизиф жестом показал Лизе следовать за ними.

Она неохотно пошла.

Когда они спустились и осталось сделать лишь шаг, чтобы зайти в подвал, Сизиф остановил Лизу, помотав головой.

Немецкие охранники открыли дверь подвала – оттуда донесся стон.

Лиза не видела, что было внутри. Она видела лишь мокрую от пота спину Василия. Тот покачнулся и потерял сознание. Охранники его не удержали, и он упал на холодный каменный пол. Лицо Василия запачкалось кровью. Лиза подумала, что это его кровь, но нет. Это была кровь, того, кого держали в подвале.

Того, кто выдал партизан.

Ледяная вода залилась в глаза и уши.

Василий закашлялся, но мир еще пока не проявился в своей ясности.

Полудрема, лицо Анны...

Еще один ледяной поток – и он пришел в себя.

Снова привязанный к стулу. Снова ненавистная фашистская морда прямо перед ним. Снова терзающая боль в ноге. Хотя тут что-то изменилось. Он бросил быстрый взгляд на рану – та оказалась перевязана.

– Видишь, я умею ломать сопротивление.

Речь немца звучала невнятно, он жевал кусок хлеба с толстым шматом сала. Запах буквально выворачивал наизнанку пустой желудок Василия. Вот уже несколько месяцев он не ел мяса.

– Кто тебя прятать?

Василий закрыл глаза и начал шептать молитву:

«Отче наш, сущий на небесах! Да святится...».

Сизиф усмехнулся. Но на сей раз это была грустная усмешка:

– Помнит... Из детства еще.

Лиза с удивлением посмотрела на наставника. Она собиралась что-то сказать, но в этот момент из-за спины Сизифа появилась фигура в точно таком же, как у него, черном костюме с узким воротничком. Лицо разглядеть было невоз-

можно, оно как будто состояло из мутных пикселей.

– Этот... он как мы? – запинаясь, проговорила Лиза. – А что с его лицом?

Сизиф проводил коллегу внимательным взглядом.

– Да, один из нас. И это одно из его дел. Одно из самых удачных. А лицо... повредилось при воспроизведении.

Лиза уже не понимала, где она: в записи, в реальности, в чьих-то воспоминаниях?

– Он слышит нас?

– Нет, – ответил Сизиф. – И не видит. Никто из них.

Услышав молитву, немец изменился в лице: тонкие губы дернулись, ноздри раздулись. Отбросив бутерброд, он тщательно вытер руки, встал и подошел к Василию. Тот не открыл глаз и не перестал молиться. Немец с размаху дал Василию оплеуху. Из губы пленника потекла кровь. Немец на этом не остановился. Дернул на себя ворот рубахи Василия – и обнаружил крестик. Сорвал его и швырнул в угол.

– Я знать таких как ты, – зашептал немец.

Он схватил Василия за волосы и силой рванул, задрав голову пленника к потолку.

– Ты хочешь быть герой. За что ты драться? Что хорошего тебе власть эта дать? Революций, голод и в войну эта вас бросать, как мясо. Чем они лучше нас?

– Пошел ты, морда козлиная! – прошипел Василий опухшими губами.

Немец щелкнул пальцами, указав на сало. Один из его

подручных спешно подскочил и дал немцу указанное.

Немец начал водить салом перед носом Василия:

– А героем тебе все равно не стать. Никто не узнает, что ты тут молчал у нас. Быть тебе дезертир.

Василий попытался освободиться от пут – начал дергаться на стуле, упираясь в пол здоровой ногой. Немец с усмешкой смотрел на него, не выпуская волос партизана. Бесполезно.

– Нет... он не сдастся, – прошептала Лиза. – Скажи, что не сдастся.

Сизиф, приходивший в этот эпизод сотни раз и знавший его наизусть, промолчал. Только поднял бровь и отвернулся. Здесь, на стене чьей-то хаты, которую заняли немцы, висела иконка. Висела криво. Сизиф стал разглядывать ее.

Безликий человек в черном подошел к Василию и наклонился к самому уху:

– Тебя все равно будут проклинять как дезертира. Всегда. А она и не вспомнит о тебе, когда муж вернется назад. И будет любить его, как ты мечтал, чтобы тебя любила.

Немец велел солдатам выпотрошить замусоленную сумку Василия. Убогость содержимого удивила даже их. Но вот на пол упала маленькая куколка с глазами-пуговками, стежками носа и рта.

Молоденькие фрицы не заметили эту как будто ничего не стоящую мелочь. Василий же смотрел на нее внимательно.

«На удачу» – вспомнилось ему.

Немец перехватил взгляд пленника и заметил лежавшую,

раскинув тряпочные руки, куколку. Он поднял ее двумя пальцами, как мальчишка берет пойманную бабочку за крыло, и принялся брезгливо и без интереса рассматривать свою добычу.

– Что это?

Василий молчал.

Безликий человек в черном снова наклонился к его уху и зашептал. Удивительно, как этот шепот подстраивался под жертву: под ее манеру говорить и манеру думать. Его невозможно было отличить от собственных черных мыслей.

– Чертова баба. Унизила тебя. А ты что? Помрешь тут за нее? Чтобы она и дальше с муженьком своим кувыркалась.

– Нет, он не сдастся, – тихо проговорила Лиза. – Я не верю. Он же типа... любит ее, да?

Лиза с надеждой посмотрела на Сизифа.

Тот, как всегда, не ответил.

– Эй ты, слышишь? Отвали от него! – крикнула Лиза Безликому, но тот не реагировал.

Офицер грубо схватил Василия за подбородок:

– Значит, семя приютить? – он приблизил свое лицо к потному, перемазанному чужой кровью лицу партизана. – Мы тебя, свиния, своим делать. Будешь цар и Бог в своей деревне. Любая твоя быть. Нам нужны верны люди. Мы ценить верны люди. Мы – это порядок, уважениэ и власть.

Пока немец говорил, Василий смотрел ему в глаза, но потом отвел взгляд в сторону.

Он все еще сопротивлялся, но немец уже почувствовал, что в этом грязном партизанине, при всей его силе, было и что-то гнилое, что делало его интересной пешкой для игры. Немец знал, как ломают дух народа начавшие служить врагу давние знакомые, соседи, родные. Он видел это много раз.

Движением головы офицер велел развязать пленнику руки.

Безликий продолжал нашептывать. Он знал, когда вставить свои слова. Не раньше и не позже. Он экономил силы, а потому не говорил, если за него могли сказать другие. Но теперь пришло его время:

– Сердце тебе извела. Жизнь испортила. Ты бы тут и не оказался без нее, ушел бы раньше. Остался ведь для нее. А она с тобой как с псом дворовым. Сама виновата. Куклу свою чертову сунула. «На удачу»! Сама себя и выдала.

Лиза медленно подошла к Василию и заглянула ему в глаза. Даже дотронулась до него, но тело Василия прошло сквозь ее пальцы, как песок. Она не чувствовала никакой связи с этим человеком, он был для нее недоступен. И все-таки Лиза попыталась.

– Не слушай! Ты ведь не можешь так поступить, – заговорила она в левое ухо Василия, но ее слова не доходили до него.

Она не в силах ничего изменить. Все это уже случилось. Василий обхватил голову. Пальцы с такой силой впились в волосы, что кожа на лбу натянулась, а синяя жилка на виске

надулась и запульсировала.

Пленник в подвале. Уже не похожий на человека, но все еще живой.

То же самое будет и с ним...

Он вспомнил, как Анна отвернулась от него, когда он произнес слова, которые мечтал сказать ей пятнадцать лет.

Безликий в Черном довольно потер руки: лед тронулся.

Немец налил полную стопку крепкого самогона, забранного у убитого председателя деревни, в чьем доме он и обосновался, хотя с трудом терпел вонь и убогость обстановки.

Он поставил стопку прямо перед Василием и ничего не сказал. Просто поставил и отошел назад, ожидая со скрещенными на груди руками.

Сизиф усмехнулся уголком рта и вышел из избы.

– Нам пора дальше.

Лиза, глядевшая на сцену почти не моргая, замешкалась.

– Эй, подожди, же я не досмотрела.

– Господи Иисусе, пощадите, – кричала Анна, стоя на снегу голыми коленями.

Ее ситцевая ночнушка была порвана в нескольких местах, волосы спутались, в глазах отражались красные отблески пламени, пожиравшего ее избу. Жар обжигал.

– Пощадите... Свиньи вы!

– Мы ничего не можем сделать? Совсем ничего? – проговорила Лиза.

Она пыталась внушить себе, что просто смотрит сцену из фильма. Ну, может, из документального фильма. Но у нее не получалось. Отчаяние этой совершенно чужой женщины пробиралось внутрь. Лизе ужасно хотелось сбежать. Но куда...

«Это только экраны, вокруг меня белые стены», – шептала она себе, не замечая, что голос становится все громче.

Сизиф слышал ее, но сказал только одно:

– Случившегося не изменить. Иначе все было бы слишком легко.

Анна причитала, ее плач тонул в треске горящего дома. Двое немецких солдат вытащили из избы слепого мальчика и кинули его в снег в нескольких метрах от матери.

Он плакал, оглядываясь, как слепой котенок, и тянул руки:

– Мама!

– Я тут! – закричала Анна.

Один из немцев что-то гаркнул.

Раздались выстрелы.

Тощее тельце мальчика дрогнуло и упало на снег. Он больше не шевелился.

Анна взревела. Это был нечеловеческий вой.

Лиза зажмурилась.

– Открой глаза, – приказал Сизиф. – Смотри. Ты должна понять, как устроен мир.

– Да пошел ты! Чего ты от меня хочешь?

Однако Лиза все же послушалась. По ее щекам текли слезы. Она даже ощущала, как они скользят по коже, чувствовала их соленый вкус.

Проекция...

На мгновение Лизе показалось, что она видит мир глазами Анны. Глазами, перед которыми все поплыло, как у нее самой тогда, в аптеке.

И вот то ли Лиза, то ли Анна увидела кровавые сугробы, смеющихся фрицев, односельчан за их спинами. Кто-то тихо плакал в платок. Кто-то стыдливо отводил глаза. Вдруг взгляд наткнулся на Василия. Она будто наступила на разбитую бутылку голой ногой: все тело пронзила боль. Василий едва держался на ногах – так сильно он был пьян. Возле него стояли два фашистских солдата. Не сразу, но то ли Лиза, то ли Анна поняла, почему не признала Василия в толпе: он был в немецкой форме.

Какой-то немец прицелился.

Анне было очень важно успеть. Успеть выкрикнуть в это потное, пьяное лицо, не моргая, смотревшее на нее:

– Гори ты в аду! Я проклинаяю тебя!

Неожиданно Лиза как будто бы вернулась в тело. Она не сразу поняла, что именно ее вернуло. Уже позже она услышала слова Сизифа. Он тихо прошептал себе под нос, вторя словам Анны:

– Я проклинаяю тебя до скончания веков!

Анна продолжала, пытаясь встать и обращаясь уже ко

всем тем знакомым и родным лицам, которые видела за немецкими спинами:

– Запомните, люди, предателя, за...

Анна не договорила.

Голос ее оборвался, как лопнувшая струна.

Его прервал раздавшийся выстрел.

Василий истерически захохотал. Лиза увидела, как по его небритым щекам катятся слезы.

Немецкий офицер похлопал его по плечу и дал кусок сала. Василий, не глядя, взял. Его рука безвольно повисла, едва держа белый, мягкий ломоть.

Лиза увидела, как от толпы отделился Безликий человек в черном. Он сделал свое дело и теперь уходил. Лиза проводила его ненавидящим взглядом:

– И мне надо стать такой же сволочью? – спросила она Сизифа.

– Тебе придется, – неожиданно тихо проговорил тот и добавил: – Как пришлось и мне.

Ничего не ответив, Лиза побежала прочь.

Сизиф задержался.

Сколько раз он видел эту сцену?

Множество.

Сизиф обернулся на Лизу и несколько мгновений глядел в ее удаляющуюся спину. Потом подошел к телу Анны, сел на корточки и вгляделся в ее лицо. Поднял голову и посмотрел на Василия. С того же места, откуда минуту назад Анна

кричала свои последние, тонушие в ненависти слова.

Василий стоял, пошатываясь. Еще молодой, отмытый от крови, пьяный. Мутные синие глаза, не мигая, смотрели на лежащую в снегу Анну.

Один из немцев толкнул его, показывая, что пора уходить. Василий качнулся и, хромя, поплелся за своими новыми хозяевами.

Глава 15

Прямо сейчас

– Не рано ли было давать ей такие кейсы? – спрашивает Начальник в Белом.

Он раскрывает папку с делом Лизы и раскладывает ее фотографии перед собой. Верхнее фото оказывается совсем близко к Сизифу. Лиза смотрит оттуда верх тормашками.

– Мы знаем, сколько уходит психологического времени на то, чтобы расширить сознание.

Сизиф отодвигает от себя снимок Лизы. Там она смеется. Жизнерадостная, открытая.

– Требовалось сломать ее уверенность в том, что она хоть что-то понимает в этом мире, – отвечает Сизиф. – Тот момент был точкой невозврата: либо так, либо обратно на землю. Ждать дольше было бессмысленно.

За три месяца и 10 дней до конца

Лиза сидела, обняв колени.

Знакомая кровать, знакомая крохотная комнатка; знакомые подтеки под потолком.

Она и забыла, какой здесь всегда царил беспорядок. Раньше ее никогда это не волновало.

Она сидела на кровати, которая еще совсем недавно ей и принадлежала.

Рабочие выносили из квартиры мебель.

Угол тумбочки выскользнул из потных пальцев грузчика. Тумбочка упала, нараспашку раскрыв пасть. Выпали на пол какие-то безделушки и стопка фотографий, которые Лиза не выкинула при прошлом переезде. Тумбочка ударила рабочего по стопе. Тот начал чертыхаться, прыгая на здоровой ноге, а ушибленную крепко сжал обеими ладонями.

Второй рабочий поставил торшер и, отряхнув руки, присел возле тумбочки. Чавкая жвачкой, он стал с интересом разглядывать вещи Лизы, видимо, в надежде найти что-нибудь ценное, что можно было бы незаметно положить в карман. Не обнаружив ничего интересного, он взялся за фото и стал рассматривать их, будто свои:

– А с этим что делать? – спросил он первого рабочего, который уже начал успокаиваться.

Тот наконец отпустил ногу и взял одну из фотокарточек.

– Положите на место, уроды! Сожгите вместе со всем, что было моей жизнью, – рявкнула Лиза.

Ее никто не слышал.

На первом снимке была взрослая Лиза. Она улыбалась, одетая в нелепый яркий костюм. На втором – потертом и пожелтевшем – Лизе было шесть лет. Она сидела у матери на коленях. На голове – смешные хвостики, туго перевязанные полосатыми резинками.

– Смотри-ка, молодая совсем, – сказал первый рабочий.

– Вот как из детей такие сволочи вырастают, а? – спросил его второй.

– Да что б ты подавился! – крикнула Лиза. – Пошли вы все!

Второй рабочий поперхнулся жвачкой. Глаза стали испуганными, жестаи он показывал замешкавшемуся первому, что надо похлопать его по спине. Наконец до первого дошло, и он со всей силы ударил второго.

– Пошли вы все, – тихо повторила Лиза, уткнувшись лицом в колени.

– Однажды все пойдут по одному адресу, – раздался у нее над ухом голос, который теперь преследовал ее повсюду.

Она отвернулась от Сизифа, но тот сделал вид, что не понял намека.

– Тебя легко найти. Предсказуемая.

– Исчезни, а... – не поднимая головы, сказала Лиза.

Сизиф не обратил внимания.

Он сел возле Лизы.

По запаху Лиза поняла: снова притащил с собой эту свою потрескавшуюся чашку с кофейной бурдой. А судя по звуку – только что сделал глоток и поставил кружку на прикроватный столик.

Проекция... Никакая чашка ни на каком столике, конечно же, не стояла.

Проекции – это все, что у нее осталось.

– Они правы, – тихо сказал Лиза, по-прежнему не глядя на Сизифа. – Я ведь убила того старика. Могла не убивать...

– Придет время – и ты забудешь, кем была и что сделала. Будешь умной: перейдешь выше и никогда больше не вернешься в это бессмысленное болото.

Лиза резко подняла голову, откинув назад упавшие на лицо волосы:

– Но мы... Мы творим зло!

– Зла не существует, – устало ответил Сизиф. – Есть только отсутствие добра. И это всегда их выбор. Мы полностью зависим от их выбора.

– Да что ты говоришь, умник? Ты вообще был человеком? Тебе что, никогда не бывает их жалко? Хотя о чем я спрашиваю – конечно нет.

Лиза со всей силой ударила про проекции чашки. Ее проекция слилась с проекцией Сизифа, а потому, согласно законам физики, которые помнили они оба, кружка упала. Кофе разлился.

Сизиф, не обратив внимания на кружку, наклонился ближе к Лизе и сказал, направив указательный палец вверх:

– Он с невероятной щедростью дает им попытки, снова и снова, из жизни в жизнь. У них одна задача: избавиться от злобы или предательства, от пренебрежения к чужим жизням или ревности и гордыни. Почти все они не могут решить эту задачу десятки, а то и сотни жизней, наступая и наступая на одни и те же грабли, в точности повторяя одну и ту же

ошибку. Они не хотят меняться, не хотят учиться, снова и снова ненавидят, насилуют, убивают или предают друг друга или себя. И только мы можем заставить их... хотя бы дать им шанс... Пройдя через боль, через реинкарнации одна хуже другой, они могут наконец задуматься.

Сизиф снова замолчал, опустил голову и продолжил:

– Хотя и этого для них слишком много. Бессмысленная возня. Но только это дает нам шанс вырваться из круга и больше никогда не спускаться на эту... вонючую Землю.

Сизиф отстранился от Лизы, и она увидела, что кружка снова стоит на тумбочке. Как ни в чем не бывало. Кофейной лужи на полу не было, коричневатая бурда дымилась в кружке.

– Да вы хуже фашистов! – крикнула Лиза. – Может, если бы ко мне проявили немного доброты, тогда...

– В твоей жизни была доброта, – перебил Сизиф. – У многих ее было и того меньше, но они не стали убийцами.

– Ты просто бессердечный ублюдок!

– Ты не сможешь меня оскорбить. Не трать силы.

Сизиф медленно отпил кофе. На его лице отразилось удовольствие. Поставив кружку на столик и вытерев губы, он произнес:

– Запомни главное: нельзя привязываться к объектам. Никогда! Если ты проявишь свободу воли ради них, то нарушишь равновесие. И тогда французская паралитичка покажется тебе праздником, – Сизиф посмотрел Лизе в глаза. –

И я не приду тебе на помощь. Таковы правила.

– Чертовы правила!

– Уж какие есть – тебя не спросили.

Сизиф встал и оправил костюм, показывая, что разговор окончен.

– Найди символ, только твой, который будет напоминать тебе о том, зачем ты тут, и удержит от глупостей. И носи с собой. Всегда.

Лиза хмыкнула:

– Ну тебе-то уж никакой символ не нужен. Ты и так прирожденный козлина.

Сизиф усмехнулся, погладив нагрудный карман.

– Представь себе, и у меня есть символ, и он всегда со мной.

– Покажи, – буркнула Лиза, вытерев нос рукавом робы.

– Нет. Но я покажу тебе кое-что другое.

Сизиф вышел из комнаты не оглянувшись.

Лиза поджала губы, поколебавшись, а потом злобно треснула кулаком свою старую кровать, поднялась и вышла следом.

Рабочие продолжали выносить мебель из ее бывшей квартиры.

Глава 16

XVI век. Нидерланды

Горящий факел вот-вот должны были поднести к бревнам, на которые опирались ее голые оцарапанные ступни. Бечевка стискивала запястья, стирая нежную кожу в кровь.

Все эти лица вокруг, знакомые и незнакомые. Они пришли посмотреть на ее страдания.

Мария стояла на площади, привязанная к столбу.

«Ведьма! Еретичка!» – вопили горожане.

Выглядели они отвратительно. У женщин из-под чепцов торчали сальные волосы, выбившиеся из кос. Носатые мужики скалили кривые зубы, которых у многих не хватало.

Вот кто проводит ее в последний путь.

– Что за жуткое местечко? – озираясь, спросила Лиза.

– Нидерланды. Шестнадцатый век, – ответил Сизиф, ступая своими начищенными ботинками по грязному болоту дороги. – Скажи спасибо, что не можешь чувствовать запаха. Поверь, они бы тебе не понравились.

В тот же миг какая-то женщина вылила помой в сточную канаву под окнами. По брюхо утопая в грязи, прошмыгнула толстая, плешивая крыса.

Лиза отвернулась от крысы и взгляделась в испуганное лицо Марии. Она озиралась по сторонам, лихорадочно ища ко-

го-то. Ей было от силы лет двадцать пять.

– Иов! – кричала она, но вопли толпы заглушали ее голос. – Иов!

Кто-то кинул в Марию ком грязи. Жижа растеклась по волосам, испачкав щеку и уголок губ.

– Иов!

Лиза заметила молодого мужчину, пытавшегося пробиться через толпу. Люди не спешили пропускать его вперед: каждый хотел видеть сегодняшнее шоу без лишних помех.

Мужчина на вид был немного младше Марии.

«Иов», – подумала Лиза.

– Пропустите! Мария! Мария! Пропустите же! – кричал он.

Его голос тоже тонул в гуле толпы, но все же был громче. Если прислушаться, можно было различить.

Тем временем человек в смешной черной шапке, прикрывавшей уши, и черном бесформенном балахоне поднес факел к поленьям. Секунда – и пламя накинется на свою новую жертву.

Лиза отчетливо видела, как слезы покатались по щекам молодой женщины. Она зажмурилась, ее губы двигались.

– Она молится! – почти радостно воскликнула Лиза.

– Нет, – ответил Сизиф.

В первые ряды наконец пробился Иов.

– Мария!

Он упал на колени и потянул к ней дрожащие руки. Он

рыдал.

– Она шепчет проклятия, – договорил Сизиф.

Спустя мгновение Лиза и Сизиф очутились уже в другом месте: кабинете грузного чиновника хорошо за сорок.

Обрюзгший мужчина отвернулся от окна, из которого была видна площадь и столб с привязанной к нему женщиной.

– Ну, есть идеи, кто это? – спросил Сизиф.

Чиновник, не моргая и почти не дыша, глядел на пол.

Лиза закрыла глаза, сосредоточилась.

– Иов... – неуверенно предположила она. – Он знает ее.

Причем близко.

Она увидела темный коридор и пошла по нему, прислушиваясь к шепоту. Он доносился из комнаты, похожей на столовую. Там, в дрожащем свете свечи, обнимались двое: Мария и тот самый молодой мужчина, пробивавшийся через толпу. А на стене висел парадный портрет грузного чиновника. Подписанный. На табличке было отпечатано его имя. Теперь Лиза знала как его зовут. Йохан. Ее потянуло куда-то дальше, но там было столько темноты и неизвестности, что она не решалась идти.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.